ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ

Архимандрита Гавріила.

ЧАСТЬ V.

Мірская философіа, ей же прендаучихся, посылаетъ мя къ философіи духовнѣй, яже есть честнѣйша и чистѣйша, пользующа и спасающая душу. Жит. Св. Декемвр. Москва 1837. 8. третія строка на оборотѣ 52 страницы.

Молю вы, почитающія книгыи сіи, молите Бога за мя грѣшьника съ добромъ и смысломъ и вниманія почитанія творити и пращатимя. Іоаннъ Экзархъ Болгарсій.

Господа, Отци и Братья! оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или недописалъ чтите исправливая Бога дѣля, а неклените; занеже книги вѣтшаны, а умъ молодъ недошелъ. Лаврентій въ заключеніи Несторовой лѣтописи 1377 года.

КАЗАНЬ,
въ Университетской Типографіи.
1840.

Печатано съ одобренія Издательнаго Комитета, учрежденнаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Казанскомъ Университетѣ.

ИСТОРІЯ

ФИЛОСОФІИ.

Часть V.

Прибавленіе первое.

ФИЛОСОФІЯ ВОСТОЧНАЯ.

§ 129. Философія восточная раздѣляется на два рода. Перваго рода восточная философія есть чистая, происходящая отъ Бога; вмѣстѣ съ первымъ человѣкомъ получившая свое начало, чуждая заблужденій, на святой землѣ воспитанная, и отъ Сіона во всѣ концы вселенной распространенная. Втораго рода восточная философія есть

нечистая, развратными потомками нашего прародителя измышленная, исполненная большими или меньшими заблужденіями, болѣе или менѣе исказившая первоначальныя понятія объ истинномъ, добромъ и изящномъ и по дѣйствію злыхъ духовъ укорененная въ Индіи, Китаѣ, Персіи, Египтѣ и Финикіи. Мы много занимались Западомъ: теперь обратимся къ Востоку.

ФИЛОСОФІЯ ВОСТОЧНАЯ ЧИСТАЯ.

Палестина.

§ 130. Философія Палестины заключается въ книгахъ Св. Писанія; въ твореніяхъ Отцевъ Церкви и въ сочиненіяхъ различныхъ, православныхъ, Христіанскихъ писателей. Главное содержаніе ея есть слѣдующее:

1. Единъ есть Богъ, безпредѣльное море самосущности, духъ безконечный, невидимый, непостижимый, Безначальный, Безконечный, Всемогущій, Премудрый, Преблагій, Правосудный, Самодовольный, Всеблаженный, Творецъ и Промыслитель всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ тварей. Рекетъ-ли Вседержавный? И родятся міры — и солнца потекутъ въ путь свой. Оставитъ-ли Владыка тварь собственному ея ничтожеству? Все въ прахъ обратится. Желаешь-ли познать Неизъяснимаго сколько нибудь яснѣе по сущности? Представь себѣ, что солнце есть одно, но имѣетъ лучь и свѣтъ и находится въ немъ

три лица: кругъ, лучь и свѣтъ. Кругъ есть то въ чѣмъ заключается жаръ солнца; лучь исходитъ являясь свѣтло и приражается къ землѣ; свѣтъ освѣщаетъ даже въ темныхъ мѣстахъ и безъ луча. И вотъ хотя три лица, кругъ, лучь и свѣтъ; но мы не говоримъ, что три солнца, но одно солнце. Если бы ты спросилъ: сколько солнцевъ въ небѣ? Я сказалъ бы: солнце одно. А если бы ты пожелалъ знать сколько лицъ въ солнцѣ? Я отвѣчалъ бы: три: кругъ, лучь и свѣтъ. Такъ думай и о Богѣ. Богъ хотя единъ есть; но три суть лица единаго Бога, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ. Какъ солнце есть трилично: такъ Богъ тріипостасенъ. Образомъ Отца служитъ кругъ солнечный, образомъ Сына — лучь, образомъ Св. Духа — свѣтъ солнца. И говори такимъ образомъ: въ солнцѣ есть кругъ, лучь и свѣтъ, но не говори, что три солнца; солнце есть одно и единственное: такъ и въ Богѣ — Отецъ, Сынъ и Св. Духъ — одинъ Богъ, а не три Бога. И паки говори такъ: въ солнцѣ нераздѣлимы кругъ, лучь и свѣтъ. Они нераздѣляются другъ отъ друга; такъ и Богъ называется однимъ, а не тремя; поелику не раздѣляются между собою три лица единаго Бога, — Отца, Сына и Св. Духа. И какъ кругъ солнечный раждаетъ лучь, и испускаетъ свѣтъ; такъ и Богъ Отецъ раждаетъ Сына и изводитъ Духа Св. Внимай тщательно! Какъ лучь солнечный нисходитъ съ неба на землю, и не отдѣляется отъ солнечнаго круга, не прерываясь ни на небѣ, ни на землѣ; но находится въ солнечномъ кругѣ, и на небѣ, и на землѣ, и вездѣ, и не

пресѣкается ни въ верху, ни въ низу; такъ и Сынъ — и слово Божіе снисшелъ на землю и не оставилъ ни Отца, ни небесъ, ни земли; но былъ не раздѣлимъ въ нѣдрахъ Отца и горѣ и долу и вездѣ и ничего не оставилъ. И какъ свѣтъ солнечный есть въ кругѣ солнечномъ, и въ лунѣ, и на небѣ, и на землѣ, и проникаетъ въ домы и всюду освѣщаетъ: такъ и Св. Духъ есть и съ Отцемъ и съ Сыномъ, и горѣ и долу, всякаго человѣка освящаетъ, и никогда неоскудѣваетъ. И какъ кругъ, лучь и свѣтъ, одно суть и три, нераздѣльно раздѣляемыя: такъ и Богъ — Троица — Отецъ, Сынъ и Св. Духъ одно суть и три раздѣляемые по лицамъ, какъ солнце, но пребываютъ нераздѣльными по естеству. И какъ кругъ солнечный одинъ есть главная причина и не раждается; лучь же раждается изъ круга, и свѣтъ исходитъ отъ одного круга чрезъ лучь и освѣщаетъ землю: такъ и Богъ Отецъ самъ одинъ есть причина обоимъ и не рожденъ, Сынъ же отъ единаго Отца рожденъ, и Св. Духъ отъ единаго Отца исходитъ, а чрезъ Сына посланъ въ міръ. Если же не достаточенъ для тебя примѣръ солнца для познанія Трiипостаснаго Божества, то вотъ и другое изображеніе Бога! Оно есть душа человѣка. Когда Богъ восхотѣлъ сотворить міръ, то сказалъ: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію. Итакъ душа человѣка есть образъ Божій. Но душа человѣка хотя есть одна, но триличша. Три лица имѣетъ душа; а какимъ образомъ, послушай! Душа есть одно лице; но душа раждаетъ слово, и вотъ слово есть другое лице. Ду-

ша испускаетъ духъ, и вотъ иное есть лице-духъ. Вотъ три лица: душа, слово и духъ: слово и духъ принадлежатъ къ душѣ, а не къ тѣлу; поелику когда душа исходитъ изъ тѣла, то ни слово остается въ тѣлѣ ни духъ, но тѣло лежитъ безъ слова и духа. Слово и духъ суть съ душею; а изъ сего и видно, что такъ какъ слово и духъ изъ души суть, то и суть лица души. Итакъ вотъ душа есть одно лице, слово другое лице, и духъ третіе лице. Вотъ три лица души, но душа одна, а не три. Если бы ты спросилъ: сколько душъ имѣетъ человѣкъ? Я сказалъ бы, что одну. А если бы спросилъ: сколько лицъ находится въ душѣ? Прилично было бы сказать, что три; поелику душа, слово и духъ, есть одна душа и три лица. Душа служитъ образомъ Отца, слово души — образомъ Сына, и Слова Божія; и духъ души — образомъ Духа Св. Ибо какъ душа есть нераздѣльна: такъ и Богъ — Отецъ есть нераздѣленъ; и какъ слово раждается изъ души; такъ и Слово Божіе раждается отъ Отца; и какъ духъ исходитъ отъ души; такъ и Духъ Св. исходитъ отъ Отца; и говори такъ: душа, слово и духъ одна есть душа, а не три; ибо слово и духъ нераздѣляются отъ души. Подобнымъ образомъ Отецъ, Слово и Духъ Св. одинъ есть Богъ, а не три. Ибо не раздѣляются Слово и Духъ Божій отъ Отца. И какъ невидима душа: такъ невидимъ Богъ. И такимъ образомъ когда ты сомнѣваешься въ мысли твоей и говоришь: какимъ образомъ Богъ одинъ есть и вмѣстѣ Трiипостасенъ: то смотри на душу твою и говори: какъ душа моя одна

есть, но вмѣстѣ и трилична, душа, слово и духъ: такъ и Богъ одинъ есть; но Трiипостасенъ: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, и говори въ мысли твоей: если душа твореніе Божіе, какъ и солнце, есть трилична, естество же ихъ одно, то не такъ ли Богъ — Творецъ ихъ долженъ быть единымъ по естеству, и Трiипостаснымъ по лицамъ? И по истинѣ долженъ. Ибо какъ душа, слово и духъ суть три лица, и одно естество души; а не три души. Такъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ суть три лица, и одинъ есть Богъ естествомъ, а не три Бога. Но послушай еще и другое изображеніе Бога. Вотъ одинъ огонь, но онъ трисіятеленъ. Ибо самъ предлежащій огонь есть одинъ, жгущее его есть другое лице, и свѣтящее его есть иное лице. И такъ вотъ три лица одного огня; т. е. предлежащій огонь, жгущее и свѣтящее; естество же огня есть одно, а не три. Подобно и въ Богѣ. Отецъ есть огонь, Сынъ жгущее, Духъ Св. есть свѣтящее. И какъ въ огнѣ свѣтящій, жгущій и самый предлежащій огнь мы называемъ однимъ, а не тремя; такъ говоримъ, что и въ Богѣ суть три лица: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, и называемъ Бога единымъ, а не тремя.

2. Богъ создалъ міръ сей не изъ какой либо первобытной матеріи, но сотворилъ всемогущимъ дѣйствіемъ воли своей изъ ничего, какъ вещество, такъ и форму міра. Прежде сотворенъ міръ духовный или Ангелы духи чистые и безплотные, одаренные разумомъ, волею и могуществомъ. Изъ рукъ Всемогущаго и Благаго исходитъ

токмо благое и доброе; слѣд. и Ангелы первоначально всѣ были добры и благодѣтельны. Но поелику они суть существа свободныя, то могли отпасть отъ добра и содѣлаться злыми, что дѣйствительно съ нѣкоторыми и послѣдовало. Ангелы добрые, созерцающіе столько вѣковъ премудрость Божію въ твореніи міра и искупленіи человѣческаго рода открытую, пребывая постоянно въ покорности мановеніямъ Вседержителя, углубляясь болѣе и болѣе въ совершенства безконечнаго, воспламеняясь другъ отъ друга огнемъ Божественной любви, безъ сомнѣнія большими одарены совершенствами, нежели люди. Они восхваляютъ и любятъ Бога, служатъ спасенію людей, особенно благочестивыхъ, хранятъ города и селенія, уничтожаютъ зло, воздвигаемое злыми духами. Въ столь благоустроенномъ Ангельскомъ, небесномъ мірѣ находится высшій порядокъ и подчиненность раздѣляющаяся на три чина и девять ликовъ: 1) Престолы, Херувимы, Серафимы; 2) Власти, Господства, Силы; 3) Ангелы, Архангелы, Начала. Число сихъ благихъ духовъ весьма велико, а особенно въ сравненіи съ числомъ духовъ злыхъ; отпадшіе духи безъ сомнѣнія гораздо сильнѣе и хитрѣе злыхъ людей. Ихъ состояніе весьма несчастно; они завидуютъ совершенствамъ Ангеловъ и Ангелоподобныхъ людей, ожидаютъ безпрестанно вѣчной казни, располагаютъ людей ко грѣху, препятствуютъ всякому добру, производятъ физическое и нравственное зло.

3. Человѣкъ есть обладатель видимаго міра. Его

духъ соединяющійся съ Богомъ, есть сокровищница вѣчныхъ законовъ истины, правды и красоты; его душа, пріемлющая впечатлѣнія отъ міра духовнаго чрезъ духъ, и отъ міра тѣлеснаго чрезъ тѣло, — если слѣдуетъ внушеніямъ духа, то и сама дѣлается духовною, если увлекается силою плоти, то и сама становится плотскою. Отъ Первосилы всѣхъ силъ, отъ источника всякаго безсмертія, человѣкъ получилъ тѣло непричастное болѣзнямъ, чуждое смерти; но внявъ чувственнымъ обольщеніямъ воздвигнутымъ отъ искусителя, онъ преступилъ заповѣдь Всеблагаго, потерялъ блаженный рай, наказанъ неблагодарностію земли, болѣзнями, всякими бѣдствіями и смертію. Отъ сего первоначальнаго источника, ядомъ грѣха зараженнаго, излились всѣ бѣдствія въ родъ человѣческій.

4. Дабы не оставить преступника въ отчаяніи, Самоблагій немедленно утѣшаетъ его обѣщаніемъ грядущаго въ міръ Спасителя, какъ въ нѣкоторыхъ картинахъ изображаетъ чувственнымъ образомъ различныя обстоятельства жизни, дѣла и свойства Посланника Божія въ житіи и подвигахъ Патріарховъ, ясно предвѣщаетъ о Немъ чрезъ Пророковъ. И во исполненіе благовѣствовательнаго обѣщанія Эдемскаго, при различныхъ знаменіяхъ и чудесахъ, при событіяхъ предсказанныхъ Пророками, Сынъ Божій оставляетъ небо, приходитъ во плоти на землю, славою ученія и чудесъ наполняетъ всю вселенную, своею драгоцѣнною кровію на Голгоѳѣ, избавляетъ

весь родъ человѣческій отъ грѣха, проклятія и смерти, утѣшаетъ свою церковь воскресеніемъ въ Іерусалимѣ, укрѣпляетъ Апостоловъ сошествіемъ Св. Духа на Сіонѣ, и вопреки всѣмъ возможнымъ усиліямъ ада, распространяетъ Евангеліе во вселенной. Одинъ Іисусъ какъ истинный человѣкъ могъ воспріять на себя грѣхи падшаго человѣка, и какъ истинный Богъ могъ достойно удовлетворить за чуждые грѣхи Правосудію Божественному.

5. Дабы содѣлаться участниками искупленія, потребна съ нашей стороны увѣренность въ заслугахъ Богочеловѣка и сердечное принятіе, усвоеніе, обращеніе въ жизнь и дѣятельность тѣхъ истинъ, которыя онъ благоволилъ открыть намъ, иначе сказать живая вѣра въ Евангеліе. Истинно сознающій свою немощь въ оправданіи предъ Богомъ, раскаевающійся во грѣхахъ своихъ, ищущій и испрашивающій высшей, небесной помощи въ дѣлѣ своего спасенія, при содѣйствіи Ангельскихъ силъ получаетъ отъ Бога благодать, или силу раждающую и укрѣпляющую человѣка въ жизни духовной. Любвеобильный Іисусъ, для вспоможенія намъ слабымъ, соединеннымъ съ тѣлами, и самую невидимую благодать благоволилъ преподавать подъ видимыми знаками. Какъ естественная жизнь пріобрѣтается посредствомъ рожденія, не можетъ продолжаться безъ укрѣпленія въ естественныхъ силахъ, при болѣзняхъ имѣетъ нужду въ врачествѣ, для дальнѣйшаго продолженія требуетъ пищи и питья, не размножается безъ супружества, для надлежащаго разви-

тія и образованія требуетъ родителей, или пѣстуновъ, и наконецъ дабы достигнуть высшей степени совершенства нуждается въ искорененіи всякой немощи, всякаго недостатка: такъ въ духовной жизни вѣрующій родится чрезъ Крещеніе, укрѣпляется дарами Св. Духа въ муропомазаніи, врачуется отъ недуговъ душевныхъ посредствомъ покаянія, питается таинственно въ Причащеніи, получаетъ благодать къ святому рожденію и воспитанію дѣтей въ бракѣ, пріемлетъ власть священнодѣйствія и правленія церковнаго въ священствѣ, уничтожаетъ остатки грѣха въ Елеосвященіи.

6. Мы знаемъ, что въ семъ мірѣ воды несравненно болѣе, нежели сколько суши; что же удивительнаго, если суша, особенно при обращеніи около своей оси, вся поглотится водою? Намъ извѣстно, что подземный огнь истребляетъ грады и селенія, что солнце приблизясь къ землѣ можетъ испепелить всѣ существа, на земной поверхности обитающія. Но не сія вода и не сей огнь преобразитъ лице вселенной. Когда мѣра долготерпѣнія Божія исполнится: тогда Всевышній посредствомъ огня, который возжетъ Онъ своею всемощною десницею, сотворитъ новое небо и новую землю для благочестивыхъ, гдѣ они вѣчно будутъ блаженствовать и вмѣстѣ пошлетъ неугасимый огнь мученій для нечистыхъ духовъ и нераскаянныхъ человѣковъ. Невозможно и подумать, чтобы какая либо мѣра наказаній достаточна была для оскорбителей Величества безпредѣльнаго.

7. Нравственность избраннаго народа преимущественно состояла въ тѣхъ наставленіяхъ, которыя родители преподавали своимъ дѣтямъ. Отецъ пріучая сына своего къ бѣганью, стрѣлянью изъ лука, метанію пращи, къ сраженію съ дикими звѣрями, къ военнымъ упражненіямъ, къ земледѣлію, къ пѣнію псалмовъ, къ познанію дѣлъ Божіихъ, изображенныхъ въ Св. исторіи, говорилъ ему въ видѣ нѣжнаго сотоварища: сынъ мой! люби Бога отъ всего сердца; люби самаго себя единственно для Бога; люби ближняго какъ самаго себя, для славы Божественной. Вотъ сокращеніе Моусеева законодательства! Бога бойся, Царя почитай. Всякая власть происходитъ отъ Бога; кто противится начальству, тотъ противится Богу. Предъ лицемъ старца востани и почти его сѣдину. Если алчетъ врагъ твой, то накорми его; если жаждетъ онъ, то напой его и постоянно молись о немъ Богу.

Сынъ мой не забывай ученія моего,
И наставленія мои пусть хранитъ твое сердце.
Надѣйся на Іегову всемъ сердцемъ твоимъ,
А на разумъ свой не полагайся.
Блаженъ человѣкъ нашедшій мудрость,
И мужъ достигшій разумѣнья.
Пріобрѣтеніе ея лучше, нежели пріобрѣтеніе сребра.
И выгоды отъ ней больше, нежели отъ золота.
Въ правой рукѣ ея долгоденствіе,
А въ лѣвой богатство и слава.
Не говори другу своему: поди и приди опять;
Я завтра дамъ; тогда, какъ есть у тебя.
Паче всего хранимаго, храни сердце твое;

Ибо изъ него источникъ жизни.
Уста чужой жены хотя каплютъ сотовый медъ;
Хотя языкъ ея мягче елея:
Но послѣдствіе отъ нея горько, какъ полынь,
Остро, какъ обоесторонній мечь.
Ноги ея идутъ къ смерти;
Стопы ея близки къ преисподней.
Поди, лѣнивецъ! къ муравью,
Посмотри на поведеніе его и будь умнъ.
Нѣтъ у него судьи, надзирателя и владѣтеля;
И онъ лѣтомъ заготовляетъ себѣ хлѣбъ.
Во время жатвы собираетъ себѣ кормъ.
Долго ли, лѣнивецъ! ты будешь спать?
Когда ты пробудишься отъ сна своего?
Не много поспишь, не много подремлешь,
Не много, сложивъ руки, отдохнешь,
И придетъ къ тебѣ лѣность, какъ наѣздникъ,
А нищета, какъ вооруженный разбойникъ.
Шесть вещей ненавидитъ Іегова,
И семь вещей ему гнусны.
Надмѣнные очи; лживый языкъ;
Руки проливающіе невинную кровь;
Сердце умышляющее коварные умыслы;
Ноги поспѣшно бѣгущіе на злодѣйство;
Свидѣтель ложный, который разглашаетъ ложъ.
И заводитъ ссоры между братьями.
Не взываетъ ли премудрость?
И разумъ не подаетъ ли своего голоса?
Къ вамъ, люди! взываю я;
И голосъ мой къ сынамъ человѣческимъ.
Я мудрость живу въ сердцѣ смысленномъ;
Я вмѣщаюсь въ осмотрительный разумъ.

У меня совѣтъ и сила;
Я разумъ, у меня и крѣпость.
Мною царствуютъ цари;
И владыки начертываютъ законы.
Мною княжествуютъ князи,
И знамениты всѣ судіи земли.
Я любящихъ меня люблю;
И ищущіе, найдутъ меня..
Іегова имѣетъ меня въ началѣ пути своего;
Прежде дѣлъ своихъ искони.
Я родилась, когда еще не было безднъ,
Когда еще не было источниковъ обильныхъ водою.
Когда ставилъ онъ основаніе земли;
Тогда я была при немъ художницею.
Нашедшій меня нашелъ жизнь;
Всѣ не любящіе меня, любятъ смерть.
Ненависть возбуждаетъ ссоры;
А любовь покрываетъ всѣ проступки.
Одно благоволеніе Іеговы обогащаетъ;
А труды ничего къ нему не прибавляютъ.
Простота честныхъ есть вождь для нихъ;
А лукавство законопреступниковъ губитъ ихъ.
Умный человѣкъ скрываетъ и разумное;
А сердце глупыхъ высказываетъ и глупое.
И при смѣхѣ иногда горюетъ сердце;
И послѣдствіемъ радости бываетъ печаль.
Сердце спокойное есть жизнь для тѣла;
А рвеніе есть костоѣдъ въ костяхъ.
Правда возвышаетъ народъ;
А грѣхъ есть посрамленіе народовъ.
Къ рабу умному благоволитъ Царь;
А срамные подъ его гнѣвомъ.

Кроткій отвѣтъ укрощаетъ ярость;
А грубое слово усиливаетъ гнѣвъ.
Отъ беззаконныхъ далекъ Іегова;
А молитву праведныхъ слышитъ.
Свѣтлый взглядъ веселитъ сердце;
Добрая вѣстъ утучняетъ кость.
На устахъ Царя Божеское изрѣченіе;
На судѣ не грѣшатъ уста его.
Уста праведныя пріятны царямъ;
Кто говоритъ истину, того любитъ царь.
Гнѣвъ царевъ есть вѣстникъ смерти;
Но умный человѣкъ утолитъ его.
Въ свѣтломъ взглядѣ царя жизнь.
Благоволеніе его, какъ облако съ дождемъ весеннимъ.
Разумному выговоръ страшнѣе,
Нежели глупому стократные побои.
Мудрость предъ лицемъ разумнаго;
А глаза глупаго ищутъ ее на концѣ земли.
Предъ паденіемъ возносится сердце человѣка;
А славѣ предшествуетъ смиреніе.
Давать отвѣтъ не выслушавъ,
И глупо и стыдно.
Нищій говоритъ смиренно;
А богатый отвѣчаетъ грубо.
Имѣніе много прибавитъ друзей,
А бѣдный и съ другомъ своимъ разлучается.
Несчастіе отцу глупый сынъ;
И непрестанная теча, сварная жена:
Душа человѣка есть свѣтильникъ Іеговы;
Она осматриваетъ всѣ внутренности чрева.
Сердце царево въ рукѣ Іеговы, какъ водопроводы;
Куда хочетъ, туда Онъ направляетъ его.

Исполненіе правды и закона,
Для Іеговы лучше жертвы.
Иногда обижаютъ бѣднаго и это къ его прибыли;
Иногда даютъ богатому и только къ его нищетѣ.
Не передвигай межи давней,
И на поля сиротъ не переходи.
У кого вопль, у кого стонъ?
У кого ссора, у кого печаль?
У тѣхъ, кои поздо сидятъ за виномъ,
Кои сходятся отвѣдывать растворенное!
Кои смотрятъ на вино, какъ оно румянится,
Какъ даетъ отъ себя въ чашѣ искру,
Какъ оно ухаживается!
Въ послѣдствіи оно укуситъ, какъ змѣй,
Ужалитъ, какъ аспидъ.
Глаза твои будутъ глядѣть на чужихъ женъ,
И сердце твое будетъ говорить развратное.
И будешь ты, какъ спящій посреди моря,
Какъ почивающій на верху мачты.
Съ совѣтами предпринимай войну,
И побѣда при множествѣ совѣтниковъ.
Если слабѣешь въ день бѣдствія,
То бѣдна твоя сила.
Не вступай скоро въ тяжбу;
Иначе, что будетъ въ послѣдствіи,
Когда посрамитъ тебя соперникъ твой?
Рѣже вноси ногу въ домъ друга твоего,
Чтобъ пресытившись тобою, онъ не разлюбилъ тебя.
Не хвались завтрешнимъ днемъ;
Потому что не знаешь, что родитъ день настоящій.
Побои друга надежны;
А поцѣлуи врага обманчивы.

Безумный бѣжитъ хотя его никто не гонитъ;
А праведникъ смѣлъ, какъ левъ.
Кто скрываетъ поступки свои не успѣетъ въ томъ;
А кто признается и бросаетъ ихъ, тотъ будетъ помилованъ.
Кто бранитъ человѣка; тотъ послѣ найдетъ болѣе любви;
Нежели кто гладкимъ говоритъ языкомъ.
Кто оберетъ отца своего и мать свою и говоритъ: это не грѣхъ;
Тотъ товарищъ разбойнику.
Если царь праведно судитъ бѣдныхъ;
То престолъ его будетъ стоять вѣчно.
Безъ откровенія не обузданъ народъ;
А храня законъ блаженствуетъ.
Глазъ, который ругается надъ отцемъ,
И не хочетъ повиноваться матери,
Выклюютъ полевые вороны
И сожрутъ птенцы орлины.
Не царямъ пить вино;
Не владыкамъ любить сикеру.
Чтобы напившись царь не забылъ закона;
И не измѣнилъ суда всѣхъ страждущихъ.
Дайте сикеру погибающему,
А вино страждущему душею.
Пусть онъ выпьетъ и забудетъ нищету свою;
И горя своего не вспоминаетъ болѣе и пр.

8. Мать, поучая дочь свою хозяйству, дабы открыть ей средства къ достиженію истиннаго счастія на земли, сколь не примѣтно, столь же сильно внушала ей слѣдующія правила:

Добрую жену кто найдетъ?
Цѣна ея выше жемчуговъ.

На нее полагается сердце ея мужа
И не останется безъ выгоды.
Она платитъ ему добромъ, а не зломъ,
Во всѣ дни своей жизни.
Она пріобрѣтаетъ волну и ленъ
И обдѣлываетъ ихъ охотными руками.
Она какъ купеческіе корабли,
Издалека достаетъ хлѣбъ себѣ.
Встаетъ еще ночью
И даетъ пищу домашнимъ,
А урочное своимъ служанкамъ.
Вздумаетъ взять поле и возметъ его.
Отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградникъ.
Крѣпостію препоясуетъ чресла свои;
И мышцы имѣетъ сильныя.
Чувствуя, что работа ея прибыльна,
Ночью не гаситъ своего свѣтильника.
Руки свои простираетъ къ прялкѣ,
И персты ея берутъ веретено.
Длань свою открываетъ бѣдному
И руки свои подаетъ нищему.
Не боится снѣга для своего дома;
Потому что домашніе ея всѣ одѣты въ червленицу.
Она надѣлала себѣ ковровъ,
Одѣяніе ея виссонъ и пурпуръ.
Извѣстенъ у воротъ мужъ ея,
Когда онъ сидитъ съ старѣйшинами земли.
Она дѣлаетъ полотно и продаетъ,
А поясы отдаетъ Финикіянину.
Великолѣпна и прекрасна одежда ея,
Она смѣется слѣдующему дню.
Уста свои открываетъ съ мудростію

И крѣпкое поученіе на языкѣ ея.
Смотритъ за теченіемъ дѣлъ въ домѣ своемъ.
И хлѣба не ѣстъ праздно.
Встаютъ дѣти ея и ублажаютъ ее,
А мужъ такъ ее хвалитъ:
Многія женщины поступаютъ хорошо,
А ты превзошла всѣхъ ихъ.
Пустое — красота, пригожество тлѣетъ,
А жена боящаяся Іеговы, хвалы достойна.
Дайте ей плодовъ рукъ ея
И дѣла ея да славятъ у воротъ и пр.

9. Кромѣ сихъ наставленій отцы и матери употребляли иносказанія и притчи для того, чтобы правила нравственныя облечь въ пріятныя картины и съ большею силою внушить ихъ дѣтямъ. Занимательность сихъ поученій заключается или въ подобіяхъ, или въ противоположностяхъ, или въ живости картинъ, или въ краткости изображеній. Окончимъ эту статью нѣсколькими поучительными притчами:

Кто щуритъ глаза свои; тотъ выдумываетъ развраты.
Кто кусаетъ себѣ губы; тотъ затѣялъ зло.
Краса юношей — ихъ сила;
Честь старцевъ — ихъ сѣдина.
Глупость крѣпко привязана къ сердцу юноши;
Но жезлъ ученія выгонитъ ее изъ него.
Высота неба и глубина земли,
И сердце царей непостижимы.
Отдѣли нечистое отъ сребра,
И выдетъ у художника сосудъ;

Отгони беззаконника отъ царя,
И будетъ утверждаться на правдѣ престолъ его.
Золотыя яблоки въ серебряныхъ корзинахъ,
Слова сказанныя къ стати.
Золотое кольцо и украшеніе изъ чистаго золота,
Наставленіе умнаго послушному уху.
Прохлажденіе отъ снѣга въ день жатвы,
Вѣрный посолъ пославшимъ его.
Туча и вѣтръ а дождя нѣтъ;
Человѣкъ хвалящійся пустымъ подаркомъ.
Холодная вода для томящейся жаждою души;
Добрая вѣсть изъ земли дальней.
Возмущенный источникъ, поврежденный родникъ,
Праведникъ падающій предъ беззаконнымъ.
Что колючій тернъ пронзающій руку пьянаго,
То притча въ устахъ глупцовъ.
Дверь ворочается на петляхъ своихъ;
А лѣнивецъ на постели своей.
Хватаетъ пса за уши,
Кто проходя мимо вмѣшивается не въ свое дѣло.
Безъ дровъ погаснетъ огонь;
Безъ ябедника утихнетъ ссора.
Тяжелъ камень, не легокъ песокъ,
Негодованіе глупаго тяжелѣ того и другаго.
Сытая душа попираетъ и сотъ,
А голодной душѣ все горькое сладко.
Какъ птичка отлетѣвшая отъ гнѣзда своего:
Такъ человѣкъ устранившійся отъ своего мѣста.
Желѣзо острится о желѣзо,
И человѣкъ остритъ другаго.
Кто стережетъ смоковницу, тотъ будетъ ѣсть плоды;
Кто бережетъ господина своего: тотъ будетъ почтенъ.

Плавильня для сребра и печь для золота,
Такъ и человѣкъ для устъ того, кто его хвалитъ.
Дурака хоть пѣстомъ толки въ ступѣ, въ крупу;
Дурачество его не отойдетъ отъ него.
Три сіи вещи высоки для меня,
И четырехъ я не могъ примѣтить.
Путь, гдѣ пролетаетъ орелъ къ небу;
Путь, гдѣ пробѣжитъ змѣя по камню;
Путь, гдѣ проплыветъ корабль среди моря,
Путь, какъ обращается юноша съ дѣвицею.
Таковъ же путь жены прелюбодѣйной!
Поѣстъ, оботретъ себѣ ротъ,
И говоритъ: я ничего не сдѣлала.
Отъ трехъ вещей трясется земля,
И отъ четырехъ, которыхъ она не можетъ носить на себѣ.
Отъ раба, когда онъ сдѣлается царемъ;
Отъ глупца, когда онъ сытъ хлѣбомъ;
Отъ отверженной, когда она опять за мужемъ;
И отъ служанки, когда она сдѣлается наслѣдницею госпожи своея.
Собьемъ молоко, выдетъ масло;
Пожмемъ носъ, пойдетъ кровь;
Раздражимъ сердитаго, выдетъ ссора и пр.

10. Такова философія избраннаго народа! Каковъ же долженъ быть образованный симъ ученіемъ философъ? Нѣтъ ничего величественнѣе, какъ человѣкъ, который закрывъ свои чувства пребываетъ внѣ плоти и міра; который ничего человѣческаго не касается, кромѣ самаго необходимаго; который бесѣдуя съ единымъ Богомъ и самимъ собою, востаетъ превыше всего видимаго; кото-

рый въ себѣ самомъ всегда обноситъ чистыя божественныя видѣнія, не смѣшанныя съ дольними блудящими образами; который есть и всегда бываетъ, какъ не затмѣваемое зерцало Бога и Божественнаго; который постепенно восходитъ отъ свѣта къ свѣту, отъ темнаго къ яснѣйшему, — пока достигнетъ самаго источника высшихъ озареній и получитъ блаженную кончину, гдѣ зерцала и гаданія разрѣшатся въ истину. Возобладать надъ матеріею, влекущею долу, можетъ одинъ тотъ, кто какъ дитя долго находится подъ руководствомъ любомудрія; кто мало по малу отрѣшилъ благородное и свѣтовидное души своей отъ низкаго и сопряженнаго съ тьмою; на комъ почиваетъ милость Бога; особенно, кто пріучилъ умъ свой постоянно зрѣть въ горняя. А доколѣ человѣкъ не преодолѣетъ вещественности, пока не очиститъ понадлежащему своего слуха и мысли, — до тѣхъ поръ опасно ему приступать къ Богословію. Не всякаго долгъ философствовать о Богѣ: такая обязанность свойственна только опытнымъ и искуснымъ въ созерцаніи горняго, напередъ очищеннымъ душею и тѣломъ, или покрайней мѣрѣ очищающимся. Когда? Тогда, какъ мы свободны бываемъ отъ грубой вещественности и шума житейскаго; когда вождь нашъ умъ не сливается съ лукавыми, бродящими образами, какъ дурныя буквы смѣшиваются съ хорошими. Надобно совершенно упразднить себя — и тогда уже познавать Бога; надобно избрать благопріятныя обстоятельства — и тогда разсуждать о правотѣ Богословія. Предъ кѣмъ? Предъ тѣми,

которые съ усердіемъ принимаютъ, что слышатъ и не пустословятъ о предметѣ высокомъ, какъ о другихъ ничтожныхъ вещахъ съ удовольствіемъ, послѣ конскихъ ристаній, послѣ зрѣлищъ и пѣсенъ, послѣ пиршествъ. О какихъ предметахъ Богословія надобно любомудрствовать и сколько? О такихъ, которые для насъ постижимы и столько, сколько могутъ понимать ихъ наши слушатели. Я не то говорю, будтобы не всегда подобало размышлять о Богѣ; помнить Бога надобно болѣе, нежели сколько дышемъ; но да вѣдаемъ, что какъ въ одеждѣ, пищѣ, смѣхѣ и походкѣ есть у насъ извѣстная благопристойность; такъ должна она быть въ нашемъ молчаніи — и особенно въ словѣ.

Но, ахъ! мы недостойны болѣе дышать райскимъ воздухомъ земли святой; мы должны отправиться къ нашей братіи, въ землю заблужденія.

ФИЛОСОФІЯ ВОСТОЧНАЯ НЕЧИСТАЯ.

§ 131. Языческій Востокъ, пламенный въ своихъ произведеніяхъ, какъ зной, бурный и грозный, какъ Азіатскіе раскаты грома, стремительный въ мечтательности, какъ молнія, роскошный Фантазіей, какъ природа, изнемогающій въ отчужденіи, одиночествѣ и чувственныхъ наслажденіяхъ, какъ самая лѣнь и нѣга, доселѣ мало доступный Европейцамъ, какъ земля завѣтная, раздробленный на неподвижныя касты, образовалъ для себя

поэзію дикую, но великолѣпную, Философію со всѣми причудами пантеизма, сенсуализма, скептицизма и мистицизма, религію со многоразличными ужасами кровопролитія, законодательство, въ которомъ по временамъ народъ предписывалъ законы чрезъ царей, а цари владычествовали посредствомъ жрецовъ. Изъ чистыхъ преданій Еврейскаго народа въ необъятномъ разнообразіи формъ на всѣмъ пространствѣ Азіи возникли несвязныя сказанія о богахъ, превращающихся въ различные виды тварей, дабы освободить міръ отъ вліянія злаго начала, о борьбѣ исполиновъ, противоборствовавшихъ добрымъ намѣреніямъ геніевъ хранителей человѣчества, о явленіи небеснаго, необыкновеннаго посланника, для просвѣщенія людей и ихъ избавленія отъ всѣхъ бѣдствій, о неизмѣримомъ лѣтосчисленіи, которое огромными размѣрами подавляетъ всякое вѣроятіе. Генетическія умозрѣнія о началѣ и происхожденіи всѣхъ вещей или замыкаются въ кругъ общенародныхъ преданій, стихотворныхъ басенъ, религіозныхъ вымысловъ и въ семъ случаѣ являютъ только первые отблески чистаго мышленія философскаго; или представляютъ высшее раскрытіе ума философскаго, разрѣшаютъ великое множество вопросовъ, въ ясныхъ чертахъ изображаютъ напряженное умственное изысканіе истины, весь этотъ испытательный ходъ заключаютъ полемикой, оканчиваютъ умственнымъ застоемъ — и въ такомъ случаѣ онѣ изображаютъ нѣкоторыя подобія древнимъ и новымъ европейскимъ системамъ. Китай, Персія, Египетъ образуютъ какъ бы три угла единаго, освѣщеннаго во-

сточнымъ геніемъ треугольника, а Халдея и Индія занимаютъ его средину. Ни одинъ изъ сихъ угловъ доселѣ непредставляетъ Философскаго раскрытія въ значительномъ размѣрѣ. Индія, содержащая въ себѣ всѣ температуры воздуха, и простирающаяся отъ ледовитыхъ вершинъ Гималая до знойныхъ морей Австраліи, была позорищемъ продолжительной и обширной борьбы Философской, коей нѣкоторыя памятники содѣлались достояніемъ европейскаго познанія. Съ сей величественной страны мы и начнемъ исторію языческой Восточной Философіи.

ИНДІЯ.

Историческія извѣстія.

§ 132. Индія съ давняго времени покорена подъ владычество кастъ. Каста браминовъ овладѣла науками, коихъ частныя отрасли переплелись съ различными Философскими системами. Древнѣйшія сочиненія, въ коихъ можно найти первоначальную Философію Индіи суть книги, извѣстныя подъ именемъ Ведъ, отъ Санкритскаго слова *Видіа*, наука, законъ. Совокупленіе Ведъ въ единый составъ по легендамъ Индійскимъ, приписывается Віазѣ ихъ сборщику. Это собраніе сочиненій раздѣляется на четыре книги. Первая Ригъ-веда заключаетъ въ себѣ молитвы и гимны въ стихахъ; вторая Яджуръ-веда содержитъ въ себѣ молитвы въ прозѣ; третія Сама-веда— молитвы, которыя должно пѣть; четвертая Аѳарванъ со-

держитъ въ себѣ литургическія правила. Каждая веда заключаетъ въ себѣ вообще двѣ части: молитвы и правила или догматы браминовъ. Послѣ ведъ, заключающихъ въ себѣ особенно науку о Богѣ, твореніи, о душѣ и отношеніи ея къ Богу, слѣдуютъ такъ называемые Пураны, въ коихъ изображена миѳологическая ѳеогонія и космогонія. Сихъ поэмъ, которыя приписываются такъ же Віазѣ, числомъ 18. Большія поэмы эпическія или историческія раздѣляются на три рода: 1) Рамаянъ, которая описываетъ славныя подвиги Рама, и сочинена, какъ говорятъ, Валмики; 2) Махабарата, въ которой Віаза воспѣлъ геройскія сраженія Курусовъ и Пандусовъ, двоихъ семействъ, произшедшихъ отъ дѣтей Луны. 3) Багаватъ-гита, которую Шлегель перевелъ на латинскій языкъ, есть философскій эпизодъ изъ Махабараты. Наконецъ 4) Манава-дарма-састра или собраніе законовъ Ману, пополняетъ часть священныхъ книгъ, въ коихъ главнымъ образомъ заключается философія Индіи.

Изложеніе.

Брамъ, субстанція первая, безконечная, единица чистая, существовалъ отъ вѣчности во мракѣ свѣтломъ; во мракѣ потому, что Брамъ былъ существомъ неразграниченнымъ, въ которомъ еще ничего не разрознилось; но этотъ мракъ былъ свѣтлый; поелику существо есть свѣтъ. Брамъ въ своемъ началѣ и происхожденіи представляется какъ бы погруженнымъ въ божественный сонъ;

поелику сила творческая, еще недѣйствующая была какъ бы во снѣ. Когда Брамъ, существо ни того, ни другаго пола, изъ этаго сна вышелъ; то отъ сего существа неразграниченнаго произошла сила творенія или Брама мужескаго пола. Такимъ образомъ Брамъ сдѣлался свѣтомъ, понятіемъ опредѣленнымъ и произнесъ плодоносное слово, предшествовавшее всему творенію. Кромѣ сего изъ нѣдръ Брама вышли Тримурти, Брама творецъ, Вишну хранитель формъ, Сива разрушитель формъ, который симъ самымъ разрушеніемъ производитъ возвращеніе существъ въ единицу и ихъ входъ въ Брама. Но Тримурти раскрылся въ Брамѣ только тогда, какъ онъ произвелъ другое начало, Маію. Въ Брамѣ уже существовалъ златобрюхій Свада, вмѣстилище всѣхъ умоначертаній о дѣйствительныхъ вещахъ тогда, какъ онъ произвелъ Маію, матерію, или очарованіе, источникъ всѣхъ явленій, при посредствѣ котораго возникаютъ недѣлимыя существа. Маія существовала сначала, какъ стихія жидкая; она была первоначальною водою, и не имѣла ни какой особенной формы. Въ Маіѣ пребываютъ три свойства: доброта, нечистота и темнота. Изъ соединенія Брама, содержащаго въ себѣ образы всѣхъ существъ съ Маіею, началомъ недѣлимости, подъ вліяніемъ трехъ качествъ, произошло все твореніе. Но вселенная существовала сначала въ двухъ главныхъ произведеніяхъ, какъ двухъ великихъ яицахъ или зародышахъ: Магабгута, который есть сгущеніе душъ изъ всѣхъ тонкихъ стихій, и Прадяпати, который есть сгущеніе всѣхъ сти-

хій грубыхъ. Изъ Прадяпати, безъ сомнѣнія соединеннаго съ Магабгутой произошли всѣ геніи, а въ оеобенности родъ человѣческій. Такимъ образомъ Прадяпати былъ первый человѣкъ и, раздѣлясь на двѣ части, произвелъ мужа и жену. Души человѣческія равно какъ и самые геніи подвержены всеобщему закону переселенія, которое состоитъ въ постепенномъ перехожденіи въ тѣла болѣе или менѣе совершенныя, доколѣ онѣ совершенно не соединятся съ великою душею, Алма. Предметъ религіи состоитъ въ томъ, чтобы пещись о душепреселеніяхъ благопріятнѣйшихъ, сокращать продолженіе сихъ странствованій и даже освобождаться отъ нихъ совершенно, подъ условіемъ точнаго исполненія предписаній Ведъ. Соединеніе съ Алма составляетъ конечную свободу отъ всякаго дальнѣйшаго очищенія. Это ученіе душепреселенія обще всѣмъ философскимъ индійскимъ школамъ. Всякая система старается отыскать дѣйствительнѣйшее средство къ избѣжанію сего труднаго, болѣзненнаго, продолжительнаго очищенія.

Пантеизмъ ведъ не смотря на дерзостный языкъ, усвоенный восточнымъ геніемъ ясно открывается изъ того, что Богъ представляется въ нихъ существомъ единственнымъ, а творенія призраками. Багавать-Гита, этотъ блистательный отрывокъ изъ Махабараты, раскрываетъ пантеистическую систему во всей строгости. Тамъ говорится, что находится одно безконечное существо, что оно одно хощетъ, умствуетъ, живетъ и является дѣйствующимъ, что слѣд. трудъ безполезенъ, всѣ дѣла неразличенны, и нѣтъ различія между добродѣтелью и порокомъ. Католическіе миссіонеры XVII и XVIII вѣковъ уже сообщили Европейцамъ нѣкоторыя извѣстія о индійской философіи между тѣмъ какъ въ то же время изы-

сканія Калькутской академіи въ Бенгаліи постепенно разливали новый свѣтъ на сію важную часть исторіи ума человѣческаго. Но точнѣйшія свѣдѣнія о семъ предметѣ доставлены Кольбрукомъ съ 1824 по 1829 годъ въ запискахъ Азіатскаго Лондонскаго общества. Этотъ ученый оріенталистъ, познаніе о философскихъ системахъ Индіи почерпнулъ въ самомъ ихъ источникѣ. Его долговременное пребываніе въ сей землѣ, его дружескія сношенія съ браминами доставили ему способъ прочитать многія санскритскія творенія и изъяснить ихъ съ великою проницательностію.

СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫЯ СЪ ВЕДАМИ.

МИМАНСА.

Древнее ученіе Миманса, принадлежащее Дзямини состоитъ въ афоризмахъ, собранныхъ его учениками. Поелику эти афоризмы непонятны: то къ нимъ обыкновенно присовокупляютъ лучшія толкованія Сабара-швами и Кумарила-швами. Есть еще новое ученіе Миманса, въ частности извѣстное, подъ именемъ Веданки. Миманса предлагаетъ правила для истолкованія ведъ и для уразумѣнія смысла откровенія. Она раздѣляется на двѣ части: 1) Карма-миманса, о дѣлахъ; 2) Брама-миманса, о вѣрѣ. Эта казуистическая философія, составляющая нѣкоторый родъ богословскаго законовѣдѣнія по методу уподобляется схоластическимъ системамъ средняго вѣка, такъ что каждое отдѣленіе въ немъ раздѣляется на 5 частей: предложеніе, объясненіе сомнительныхъ и обоюдныхъ сторонъ, доказательства, рѣшенія возраженій, связь частей между собою и ихъ отношеніе къ цѣлому. Единственный источникъ познанія и долга есть словесное сви-

дѣтельство или сверхъ-естественное заключающееся въ ведахъ, или человѣческое содержащееся въ преданіяхъ мудрецовъ съ ведами согласныхъ. Добродѣтель независимо отъ внѣшнихъ подвиговъ, вмѣстѣ съ собою переноситъ право заслуги и воздаянія въ міръ лучшій: еще дѣйствительнѣе жертвоприношеніе, состоящее въ четырехъ видахъ: приношеніи, смерти животнаго, жертвеннаго сока, добываемаго изъ растѣнія *сома*, и наконецъ сожженіи жертвы. Первоначальное божественное дуновеніе произвело звуки, а отъ звуковъ произошли буквы. Сіи звуки и буквы подобны слову или эѳирному письму а дѣйствительныя существа суть грубыя отпечатки письма сего. Отношеніе членораздѣльныхъ звуковъ къ идеямъ, хотя не сходственно, впрочемъ подлинно и необходимо такъ, что человѣческое слово есть ничто иное, какъ воспроизведеніе слова всесотворшаго. Отселѣ Миманса производитъ силу молитвъ и заговоровъ.

ВЕДАНТА.

По легендамъ браминовъ, Віаза есть основатель сей системы, составленной изъ отрывковъ ведъ и приписываемой упанишадамъ — или школьнымъ учителямъ. Санкара жившій въ VIII вѣкѣ по Р. Х. и дошедшій до нашихъ временъ, изложилъ сію систему во всемъ блескѣ. Вотъ его мысли: человѣкъ, стремящійся къ совершенному покою ищетъ внѣ себя чего-то постояннаго, самобытнаго и непремѣняемаго, дабы освободиться отъ всякой пре-

вратности, отъ всякаго странствія, отъ всякаго переселенія. Два пути ведутъ къ сей цѣли: наука и дѣла. Дѣла преходящія по ихъ свойству, имѣютъ дѣйствіе мимолетное. Одна наука, созерцающая вѣчное, можетъ вознесть человѣка превыше всякой превратности. Какими средствами мы можемъ пріобрѣсть эту науку? Къ сему недостаточны чувства; поелику онѣ объемлютъ токмо преходящее. Недостаточно и умозаключеніе; послику оно завися отъ ограниченности каждаго единичнаго разума, имѣетъ относительное достоинство по самому существу своему и не можетъ быть мѣрою безконечнаго. Итакъ должно прибѣгнуть къ откровенію существа самобытнаго, неизмѣняемаго, откровенію изъ вѣка въ вѣкъ сохраненному преподавателями сего ученія. Желающій пріобрѣсть мудрость, долженъ отрѣшиться отъ всего преходящаго, какъ то отъ земныхъ удовольствій, отъ кратковременнаго счастія, долженъ всѣмъ внѣшнимъ предметамъ заградить доступъ въ его душу, долженъ собрать всѣ чувства свои во внутренности и погрузить ихъ въ благочестивое размышленіе. Какъ жегомый полуденнымъ зноемъ олень съ быстротою молніи устремляется къ водѣ: такъ тревожимый страхомъ вѣчныхъ душепереселеній ученикъ течетъ къ своему наставнику съ гостинцемъ въ рукахъ, символомъ рвенія и горячности души его. Послѣ сего пріуготовленія ученикъ можетъ принять слѣдующее ученіе: Брама существуетъ одинъ — и все то есть призракъ, что не есть Брама. Брама есть существо чистое, умственное, неограниченное. Если бы внѣ Брамы находи-

лись существа различныя, ограниченныя, сложныя: то онѣ происходили бы отъ Брамы. Такое произведеніе возможно только тогда, когда бы Брама имѣлъ въ себѣ начало несовершенства, ограниченности и множества, что противно самой его сущности. Когда человѣкъ смотритъ на самаго себя, на ближнихъ, на весь міръ, какъ на существа отдѣльныя отъ Брамы, тогда онъ находится во снѣ, и овеществляетъ привидѣнія. Когда разумъ человѣческій познаетъ, что Брама есть все: тогда человѣкъ пробуждается въ состояніе бодрствованія и знаніе есть это пробужденіе человѣчества. Самыя представленія, которыя человѣкъ образуетъ въ состояніи обольщенія могутъ привесть его къ заключенію, что кромѣ Брамы ничто не существуетъ. Брама подобенъ массѣ глины, а недѣлимыя существа суть видоизмѣненія этой массы; Брама подобенъ вѣчному пауку, изъ собственныхъ нѣдръ извлекающему тенѣту творенія; Брама подобенъ безпредѣльному огню, изъ котораго въ миріадахъ искръ вымелькиваютъ творенія; Брама есть какъ бы океанъ существованія, на поверхности коего являются волны бытія; пѣна сихъ волнъ, пузыри на пѣнѣ, хотя и отличны другъ отъ друга, но составляютъ одинъ и тотъ же океанъ. Брама похожъ на безконечнаго человѣка; огонь есть глава его; солнце и луна суть его очи; звучныя равнины неба суть его уши; Веды, — его голосъ; вѣтры суть его дыханіе; всеобщая жизнь его сердце; земля его ноги. Различныя существа могутъ быть представлены какъ различныя имена одного и того же Брамы; и одна

кожъ всѣ эти имена столькожъ пусты и ничтожны, сколько могутъ быть ничтожны слова, представляемыя нашимъ воображеніемъ въ сновидѣніяхъ. Въ твореніи Брама представляется дѣятельнымъ, поелику произвелъ видимыя преобразованія и вмѣстѣ страдательнымъ, поелику преобразователь есть вмѣстѣ самъ преобразующійся. Преобразованія отъ совершеннаго всегда поступаютъ къ менѣе совершенному. Брама восхотѣлъ быть множественнымъ и произвелъ свѣтъ; свѣтъ восхотѣлъ быть множественнымъ и произвелъ воды; воды восхотѣли размножиться и произвели сушу. Чѣмъ грубѣе существа, тѣмъ больше обольщенія. Брама видитъ а самъ совершенно невидимъ. Умъ видитъ, а самъ совершенно въ своей сущности невидимъ. Око тѣлесное видитъ и вмѣстѣ видимо. Формы вещей видимы и не видятъ. Когда человѣкъ выходитъ изъ обольщенія, тогда всѣ формы, всѣ имена, всѣ различія изчезаютъ; тогда является одна сущность безъ разграниченія, безъ названія, безъ вида; тогда представляется чистое единство, гдѣ и познающій и познаемое тождественны. При семъ высшемъ познаніи человѣкъ свободенъ отъ заблужденій, которыя происходятъ отъ разрозненности существъ; свободенъ отъ невѣдѣнія, поелику познавъ Браму познаетъ все; свободенъ отъ грѣха и всякаго обязательства; грѣхъ и обязательство имѣютъ мѣсто только тамъ, гдѣ существуетъ правое и не правое, чего невозможно предположить въ Брамѣ: свободенъ отъ всякой страсти и желаній, поколику всѣмъ обладаетъ. Мудрый во время смерти совлекается всякой разрозненности, вся-

каго имени, всякаго вида, и также сливается съ Брамою, какъ рѣки теряютъ ихъ воды и названія погружаясь въ море. Этотъ строгій пантеизмъ опровергаетъ самъ себя, допуская въ одномъ и томъ же Брамѣ несовмѣстныя противорѣчія, истину и обольщенія, единство и множественность, вѣчность и мимолетность.

СИСТЕМЫ ЧАСТІЮ СОГЛАСНЫЯ И ЧАСТІЮ НЕ СОГЛАСНЫЯ СЪ ВЕДАМИ.

САНХІЯ.

Капила, основатель этой системы, въ индійскихъ легендахъ представляется, то однимъ изъ семи потомковъ, истекшихъ изъ Брамы, то воплощеніемъ Бога Вишну хранителя формъ, то порожденіемъ Агни, или бога огня. Ему приписываютъ собраніе састръ или афоризмовъ, въ 6-ти книгахъ. Но это ученіе лучше изложено стихами въ карикѣ, раздѣленной на 72 строфы. На сію книгу напечатано много толкованій.

Слово Санхія, значитъ умозаключеніе или размышленіе. Такое имя дано системѣ отъ основателя, или учениковъ его, потому что въ построеніи оной замѣтно напряженное усиліе разума. Цѣль сего ученія состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ знанія вести человѣка къ блаженству какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни.

Метафизика этой системы учитъ:

I. *О началахъ всѣхъ вещей*, коихъ считается XXV. 1. *Природа*, Пракрити есть корень всѣхъ су-

ществъ, первоначальная матерія, неопредѣленная, недовѣдомая сама по себѣ, и постигаемая только по ея дѣйствіямъ 2. *Понятіе или главное начало.* Оно есть начальное произведеніе природы, и производитъ въ свою очередь всѣ другія начала. 3. *Сознаніе или самочувствіе.* Это есть понятіе олицетворенное. 4—8. *Пять тончайшихъ частицъ* или атомовъ, происходящихъ изъ понятія олицетвореннаго. Они составляютъ форму первоначальной личности и ея тончайшую оболочку, непостижимую нашими чувствами. 9—19. *Одиннадцать органовъ* чувствъ и дѣйствія. Они происходятъ также изъ сознанія, и принадлежатъ къ внутреннему чувству, которое есть центръ ощущеній, и начало дѣятельности. 20—24. *Пять стихій* которыя происходятъ изъ пяти тончайшихъ частицъ: какъ-то эфирная звучная жидкость, воздухъ также звучный и осязательный, огонь къ симъ двумъ стихіямъ присоединяющій свойство цвѣта; вода одаренная вкусомъ, и наконецъ земля, которая обладая свойствами предъидущихъ четырехъ стихій, преимуществуетъ запахомъ. 25. Душа, алма, вѣчная, невещественная, неизмѣняемая, недѣлимая, многосложная, чувствительная.

2. *О совокупленіи сихъ началъ или о вселенной.* Различныя сочетанія, изъ которыхъ состоитъ вселенная, составляютъ три образа творенія, начальное, грубое и разумное. Говоря *о твореніи начальномъ*, Капила старается изъяснить, какъ душа становится личною. Лич-

ность заключается въ формѣ, которая облекаетъ душу и происходитъ отъ соединенія понятія и самопознанія. Этотъ порядокъ творенія называется начальнымъ, потому что предшествуетъ образованію грубыхъ тѣлъ. *Твореніе грубое*, простирающееся на тѣла образованныя изъ пяти чувственныхъ стихій, раздѣляется на три міра. Въ верху находится міръ добрый, гдѣ преобладаетъ добродѣтель: онъ населенъ существами, которыя выше человѣка. Въ низу находится міръ мрака и обольщенія, въ которомъ преобладаетъ невѣдѣніе и глупость; онъ населенъ существами, которыя ниже человѣка. — Въ срединѣ находится міръ людей, въ коемъ господствуетъ страсть; онъ есть позорище бѣдствія, отъ котораго душа освободится тогда, когда она разрѣшится отъ соединенія съ личностію. *Твореніе разумное* содержитъ различныя состоянія понятія, которое можетъ быть смѣшанное, или непонятное, или удовлетворительное, или усовершенствованное. — Смѣшанность понятія зависитъ отъ заблужденій, гордости, пристрастія къ чувственнымъ предметамъ, зависти, ненависти и страха. Непонятность разума происходитъ изъ несовершенства, или поврежденія организма, какъ-то слѣпоты, глухоты и проч. Удовлетворительность разума имѣетъ свое начало въ несомнѣнныхъ мысляхъ и въ вѣроятіяхъ, которыя доставляютъ ему спокойствіе, но которыя не будучи основаны на познаніи и истинныхъ началахъ вѣщей, не могутъ производить совершенной свободы отъ недоумѣній. Усовершимость разума происходитъ отъ различныхъ средствъ, приводящихъ въ

храмъ науки, которая одна предохраняетъ отъ зла. Что бы правильно понять теорію о разумѣ, должно замѣтить въ особенности 8 свойствъ, которыя раздѣляются на двѣ параллельныя, но противоположныя таблицы: добродѣтель, познаніе, безстрастіе, и сила творить чудеса, происходятъ отъ благости духа. Грѣхъ, заблужденіе, невоздержаніе и немощъ происходятъ отъ тьмы душевной. Смѣшеніе сихъ противоположныхъ качествъ производитъ состояніе страсти и бѣдствія, которое есть удѣлъ человѣка. Эти три основныя качества, благость, страсть и тьма играютъ важную роль въ твореніи тѣлесномъ и умственномъ. Онѣ первоначально находятся въ природѣ или основной матеріи, пракрити, изъ ея нѣдръ простираются во всѣ степени творенія, образуютъ въ нихъ различныя начала и суть источники многообразныхъ явленій. *Благость* или сущность вещей, собственное дѣйствіе коей есть облегчать, просвѣщать, возвышать, по отношенію къ міру тѣлесному господствуетъ въ огнѣ, который стремится къ возвышенію, какъ видимъ это въ пламени. Разсматриваемая въ мірѣ духовномъ, она есть причина силы, чрезъ которую возвышаются духи. Тираническая, порывистая, многоизмѣняющаяся *страсть* въ мірѣ тѣлесномъ преимущественно находится въ воздухѣ, который постоянно пребываетъ въ естественномъ состояніи движенія, и есть причина перемѣннаго вѣтра. Въ мірѣ духовномъ она есть причина порока, — какъ превратнаго движенія духа. *Темнота*, совершенная въ мірѣ тѣлесномъ, особенно владычествуетъ въ водѣ и землѣ, ко-

торыя посему стремятся къ паденію. Въ мірѣ духовномъ она есть причина глупости, или притупленія разума. Благость, страсть и темнота не смотря на ихъ противоположность стремятся къ одному и тому же назначенію, какъ масло, свѣтильня и пламень, различныя по сущности, распростираютъ свѣтъ посредствомъ лампы.

3. *О концѣ міра.* Разрѣшеніе есть освобожденіе отъ тѣхъ узъ, въ которые природа заключаетъ душу. Душа освобождается отъ узъ, признавая ихъ за одни явленія. Такимъ образомъ она совершенствуется познаніемъ, что грубыя стихіи суть чистыя явленія. Послѣ сего она свободна отъ обольщеній тѣлесныхъ; хотя еще и связана съ тончайшею личностію, въ которую облекается ея недѣлимость. Потомъ она постепенно узнаетъ, что начала, входящія въ составъ тонкой личности, суть также мечтанія. Она видитъ, что органы чувства и дѣйствія и пять тончайшихъ частицъ т. е. организмъ личности, не имѣютъ ничего существеннаго. Но она доселѣ заключена въ самости; сознаніе, есть внутренняя Форма ея личности. Она освобождается отъ сей формы такимъ же образомъ. Послѣ сего остаётся только одинъ корень личности, — понятіе, какъ частная Форма матеріи, пракрити, нѣсколько опредѣленное. Но поелику она есть Форма; то и относится также къ явленіямъ. Отрѣшившись такимъ образомъ отъ всего того, что производитъ тонкую личность, душа освобождается отъ всѣхъ узъ природы. Такъ посредствомъ ученія о началахъ вещей,

мы познаемъ неоспоримую и единственную истину: Не существую *я*, и нѣтъ того, что мнѣ по видимому принадлежитъ. Это недѣлимое существованіе есть одинъ бредъ. Вотъ истина, говоритъ Индіецъ, спасающая человѣка.

Въ *логикѣ* Капила допускаетъ три источника человѣческаго познанія; познаніе о чувственныхъ предметахъ пріобрѣтается чрезъ ощущеніе. Наведеніе и умозаключеніе приводятъ къ познанію вещей, не подлежащихъ чувствамъ. Но такъ какъ истина не можетъ быть непосредственно ощущаема и выводима чрезъ умозаключенія: то Капила выводитъ ее изъ откровенія. Поелику ощущеніе соотвѣтствуетъ только видимымъ предметамъ: а умозаключеніе о началахъ вещей содержитъ множество положеній оправдываемыхъ чувствами: то Философія Капилы и принимаетъ въ основаніе одно только наведеніе, которое, опытныя познанія, преобразуетъ въ законы вселенной, или иначе сказать, антропологіею измѣряетъ онтологію. Посредствомъ наведенія Капила старается доказать теорію о естествѣ матеріи, пракрити, и души, алма. Касательно перваго пункта, онъ полагаетъ, что произведеніе предварительно существуетъ въ причинѣ. Такъ масло находится въ сѣмени прежде, нежели оно будетъ выжато. Слѣд. все являющееся все раздѣляемое есть только открытіе, изліяніе того, что заключается въ общей причинѣ, въ пракрити. Эта общая причина должна быть неразличимая, неограниченная. Мы видимъ, что всякая

опредѣленная форма есть дѣйствіе происходящее изъ чего-то неопредѣленнаго; на пр. отломокъ отъ тарелки выходитъ изъ чего-то прежняго, изъ глиняной массы, которая не имѣла сама по себѣ опредѣленной формы. Итакъ причина, предшествующая всякой формѣ — есть не разграниченная, неопредѣленная. Поступимъ далѣе: постеля назначена для покоющагося; кресла для сидящаго. Видимый міръ предполагаетъ зрителя — человѣка. Всѣ люди стремятся къ концу всѣхъ превратностей, къ уничтоженію всего того, что перемѣнчиво, т. е. къ покою или къ совершенной отрѣшенности; слѣд. должно быть существо, способное къ сему совершенному отвлеченію, чуждое всякаго качества, слѣд. существуетъ душа. Капила доказываетъ также чрезъ различныя наведенія, что души многообразны, многочисленны; рожденіе, смерть, добродѣтели, пороки, счастіе, несчастіе, должности и дѣйствія не суть тождественны и сходны у всѣхъ живыхъ существъ; слѣд. не одна и та же душа воодушевляетъ каждое тѣло, слѣд. души многоразличны. Изъ предъидущихъ заключеній Капила доказываетъ, что душа не произведена; потому что столько же различна отъ природы, сколько зритель различенъ отъ видимаго предмета, и не производитъ, потому что не имѣетъ качествъ. Всѣ 25 началъ этой дуалистической системы можно сократить въ два: матерію и душу. Но Санхія — вопреки всѣмъ дуалистическимъ Философамъ, матерію почитаетъ существомъ дѣятельнымъ, а душу страдательнымъ; матерію признаетъ единицей, а душу множествен-

ностію, и неупоминаетъ о существѣ несотворенномъ Богѣ. Веды говорятъ: убивай жертву. Санхія представляетъ общій законъ: не дѣлай зла никакому существу живущему. Веды утверждаютъ, что жертвоприношеніе превышаетъ всѣ дѣла благочестія, пріобрѣтаетъ воздаяніе токмо кратковременное: Санхія удостовѣряетъ, что наука достигаетъ блаженства вѣчнаго непремѣняемаго; посему Санхія признается не вовсемъ сообразною съ ведами.

Іога састра или Санхія Патандяли во всемъ сходна съ Капилою, а различіе ихъ слѣдующее:

Капила:	*Патандяли:*
Отвлеченіе отъ естества, чуждое созданія и прочихъ началъ не имѣю никакого побужденія творить и лишено творческой силы.	Богъ Исвара, верховный распорядитель, есть душа отличная отъ прочихъ душъ; недоступная бѣдствіямъ прочихъ обремѣняющимъ, безразличная для добрыхъ и худыхъ дѣлъ съ ихъ послѣдствіями, чуждая мимолетныхъ человѣческихъ мыслей, существо безконечное, вѣчное, всевѣдующее, наставникъ первыхъ существъ сотворенныхъ.
Совершенное отрѣшеніе есть простая свобода отъ узъ естества.	Совершенное отрѣшеніе есть поглощеніе души въ Богѣ.
Изслѣдованіе философское есть лучшее приготовленіе къ верховному знанію, чрезъ которое душа достигаетъ всецѣлостной свободы.	Набожные подвиги имѣющіе цѣлію обуздать духъ отъ всякой частной цѣли и тѣло отъ чувствъ, препятствующихъ внутренней собранности, есть дѣйствительнѣйшее средство къ тому, чтобы погрузиться въ Богѣ.

НЬЯЯ И ВЕСЕШИКА.

Авторъ Ньяіи или системы умозаключенія есть Гота-

ма, и Весешики или системы единичности есть Канада. — Пять книгъ афоризмовъ или сутръ Готамы и собраніе сутръ Канады, — частію всѣ въ совокупности и частію въ отрывкахъ объяснены многими толковниками и соединены въ одинъ составъ, потому что Ньяія есть система логическая а Весешика на основаніяхъ сходныхъ съ логическимъ ученіемъ Готамы продолжаетъ изъяснять философію природы.

Въ изысканіи истины веды, согласно съ логикою Аристотеля, предписываютъ слѣдующій порядокъ: предложеніе или наименованіе предмета собственнымъ его именемъ т. е. словомъ откровеннымъ; опредѣленіе представляющее отличительную черту предмета, и наконецъ изслѣдованіе, разрѣшающее опредѣленіе на его составныя части. Готама и Канада преимущественно ограничиваясь третьимъ случаемъ исчисляютъ 25 логическихъ категорій: 1. доказательство, къ коему относится a) ощущеніе предметовъ. b) Наведеніе или восходящее отъ произведенія къ причинѣ, или нисходящее отъ причины къ произведенію, или основывающееся на сходствахъ. c) Сравненіе. d) Свидѣтельство откровенія или преданія. Причина бываетъ троякая — или прямая и внутренняя, какъ напр. шерсть по отношенію къ сукну; или посредствующая и непрямая, какъ напр. мычка шерсти для сукна, или орудная, каковъ ткачь. 2. Важнѣйшій предметъ основательныхъ разсужденій есть душа. Высшая душа есть одна, она есть центръ высшаго познанія; она есть творецъ

или лучше сказать учредитель всѣхъ вещей. Недѣлимыя души многообразны, доказательство бытія недѣлимой души въ каждомъ человѣкѣ, основывается на томъ, что каждая душа имѣетъ особенныя свойства, какъ наприм. просвѣщеніе, остроуміе, склонность къ счетоводству и пр. Недѣлимая душа присутствуетъ вездѣ, гдѣ находится тѣло, и по сей причинѣ она есть безконечна. Вторый предметъ изслѣдованій есть тѣло. Неговоря о тѣлахъ, которыя существуютъ въ другихъ мірахъ, тѣла земныя или произведены чрезъ недовѣдомое совокупленіе атомовъ, или произошли путемъ рожденія, по которому животныя или живыми въ свѣтъ родятся, какъ люди, или вылупляются изъ яицъ, какъ цыплята, или возникаютъ изъ гніенія, закваски и броженія, какъ насѣкомыя и черви, или происходятъ отъ сѣмени, какъ растѣнія. — Тѣло человѣческое есть престолъ души; отъ повиновенія тѣла душа услаждается, а отъ преобладанія его, томится. 3. Внѣшніе чувственные органы не проистекаютъ изъ сознанія, какъ допускаетъ Санхія, но вещественно приосходятъ изъ земли, которая даетъ запахъ; изъ воды, которая производитъ вкусъ; изъ свѣта, который являетъ міръ видимымъ; изъ воздуха, который творитъ предметы осязательными. И наконецъ изъ эфира, который родитъ звукъ... Вопреки Капилѣ, Готама изъясняетъ явленіе зрѣнія предположеніемъ, что лучь свѣта, происшедшій изъ зрачка глаза, устремляется на предметъ видимый. Хотя этотъ лучь обыкновенно не подлежитъ зрѣнію, впрочемъ свѣтъ, который выходитъ ночью изъ

глазъ кошки и другихъ животныхъ, достаточенъ, по мнѣнію Философа къ тому, чтобы доказать его существованіе. Подобнымъ образомъ онъ изъясняетъ явленіе слуха, обонянія и пр. Манасъ или чувство разумное, дѣйствующее посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, есть познаніе о внѣшнихъ предметахъ; — чрезъ внутреннія ощущенія оно болѣзнуетъ отъ страданій, и облегчается отъ удовольствій. 4. Предметы чувствъ суть вышеизложенныя стихіи тѣлъ. Сюда относятся категоріи Канады, а именно девять субстанцій: земля, вода, свѣтъ, воздухъ, ефиръ, время, мѣсто, душа и манасъ. Существа матеріальныя сложены изъ атомовъ или существъ простыхъ, недѣлимыхъ и вѣчныхъ. Бытіе атомовъ доказывается тѣмъ, что все сложное должно имѣть составныя части и что дѣленіе этихъ составныхъ частей до безконечности не возможно; въ противномъ случаѣ, какъ слонъ, такъ и песчинка имѣли бы безконечное число частей, и были бы равнаго размѣра. Откуда слѣдуетъ, что мысль по необходимости возникаетъ въ атомахъ, или простыхъ частяхъ и слѣд. несотворенныхъ. Твореніе по мнѣнію Канады не иначе можетъ быть постигнуто, какъ чрезъ совокупленіе однородныхъ частей. Эти существа вѣчны, потому что состоятъ изъ атомовъ, и преходящи по ихъ совокупленію. Сверхъ сего Канада категоріями почитаетъ качество и дѣйствіе, которыя находятся въ субстанціи; общее, которое свойственно многимъ подобнымъ предметамъ, и которое заключаетъ въ себѣ родъ, видъ и недѣлимое; особенное, которое отлично отъ общаго; на-

конецъ внутреннее отношеніе или совокупленіе однородныхъ частицъ. Возвратимся теперь къ категоріямъ Готамы. 5 — 12. Другіе предметы разсужденія суть смыслъ, который раздѣляется на понятія и воспоминанія, или манасъ, разсматриваемое не какъ субстанція и органъ чувствъ, но какъ средство разумѣнія; дѣятельность или опредѣленность, причина добродѣтели и порока; недостатки; переселеніе или состояніе души безсмертной, когда она переходитъ изъ разрушающагося тѣла въ другое вновь образующееся; воздаяніе, казнь, и наконецъ свобода, которой душа достигаетъ, совершенно отрѣшась отъ предметовъ ее окружающихъ, чрезъ углубленіе въ мысль о самой себѣ, о собственной сущности. — 13, 14 и 15 категорій Готамы суть сомнѣніе, которое выражается чрезъ вопросъ; побудительная причина; примѣръ, или такой пунктъ, на который въ спорѣ два противника соглашаются. 16. Категорія есть доказанная истина; она выражается предложеніемъ или всеобщимъ, или частнымъ, или условнымъ, или чрезъ уступленіе. 17. Силлогизмъ, состоящій изъ 5-ти членовъ: предложенія, причины, примѣра, принаровленія и заключенія. Вотъ силлогизмъ индійскій: a) эта гора горитъ; b) ибо она дымится; c) что дымится и горитъ, то подобно печи, въ которой стряпаютъ; d) подобнымъ образомъ эта гора дымится; — e) слѣд. она горитъ. 18. Доказательство отъ невозможнаго. Оно состоитъ въ выводѣ изъ ложныхъ посылокъ, заключенія явно нелѣпаго, убѣждающаго отказаться отъ самыхъ посылокъ. 19. Достовѣр-

ность, какъ слѣдствіе довода. 20. Споръ, имѣетъ мѣсто между двумя противниками, изъ коихъ каждый старается доказать собственное мнѣніе и опровергнуть противоположное. 21. Розыскъ бываетъ между двумя лицами имѣющими одну цѣль, открыть истину. 22. Состязаніе употребляется тогда, когда изъ спорщиковъ каждый старается опровергнуть мнѣніе противника не имѣя намѣренія доказать собственное. 23. Ложное заключеніе, состоящее или въ обоюдномъ смыслѣ словъ, или въ буквальномъ перетолкованіи метафорическаго смысла, или въ объобщеніи частнаго и единичнаго. 24. Смѣшный отвѣтъ опровергающій самъ себя. 25. Недостатокъ въ доказательствѣ. Эту логическую смѣсь правильнѣе можно раздѣлить на три класса: о доказательствахъ кат. 1. о предметахъ доказательствъ кат. 2 — 13. о построеніи доводовъ кат. 13 — 25. Колыбель Европейской логики Греція, отцы ея — Зенонъ и Аристотель. Знаемъ о знакомствѣ Греціи и особенно Аристотеля, съ Востокомъ при Александрѣ Македонскомъ. А опытъ показываетъ: что логика и силлогизмъ Индіи доселѣ походятъ на тяжелое вооруженіе сцѣпленной фаланги Македонской; напротивъ вооруженіе Римскихъ воиновъ сколько могущественное, столько же удобное, есть символъ логики и силлогизма Европейскаго. Это несовершенство Индійской логики ясно показываетъ, что Востокъ всегда могъ и можетъ учиться умозаключеніямъ у Грековъ и Европейцевъ, и едва ли когда нибудь въ этомъ дѣлѣ могъ быть учителемъ для запада. Замѣтимъ и то, что Прови-

дѣніе одарившее умственными способностями какъ Азіатцевъ такъ и Европейцевъ, дало имъ съ тѣмъ возможность создать собственныя, болѣе или менѣе совершенныя логическія системы. Но вотъ и индійскій Эпикуръ — Канада въ меньшемъ, но однакожъ достопримѣчательномъ размѣрѣ. У Грека атомы единообразны, а цвѣтистая разрозненность міра происходитъ отъ механическихъ законовъ движенія. Индіецъ сію разрозненность производитъ изъ отличительныхъ качествъ самыхъ атомовъ, и согласно лучшимъ Европейскимъ физикамъ учитъ: 1. тяжесть есть единственная причина паденія тѣлъ. 2. Семь первообразныхъ цвѣтовъ, а истинный цвѣтъ есть токмо бѣлый и черный. 3. Звукъ распространяется переливами изъ центра струясь по всѣмъ окружностямъ.

СИСТЕМЫ ПРОТИВНЫЯ ВЕДАМЪ.

Поелику брамины нѣкоторымъ лицамъ не позволяли слушать ведъ, вдругъ ихъ допускали къ слушанію ихъ ученія, инымъ самимъ позволяли читать веды, а испытаннымъ въ жизни и познаніяхъ разрѣшали толковать ихъ и проповѣдывать: то несправедливость сія и прочія притѣсненія въ различныя времена, возбуждали многихъ и сильныхъ противниковъ ведамъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ, и съ проліяніемъ многихъ потоковъ крови, на развалинахъ браминизма старались воздвигнуть и утвердить новыя религіозныя секты, частію истребленныя временемъ, и частію продолжающіяся донынѣ. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ суть слѣдующія:

Сивиты, во всемъ сходные съ Патанджали, учатъ, что первоначальная матерія произведена отъ Сивы, который есть главное начало вселенной. Подобное ученіе встрѣчается у Панчаратровъ или Багаватовъ почитающихъ Вишну.

Дзаіяны или Дизамборазы т. е. обнаженные, извѣстные у Грековъ подъ именемъ гимнософистовъ, полагаютъ, что: 1) вселенная состоитъ изъ однородныхъ атомовъ; различіе существъ зависитъ отъ различнаго соединенія первоначальныхъ стихій; 2) существа раздѣляются на два главные класса, — на одушевленные и неодушевленные; 3) душа есть центръ удовольствія; неодушевленныя вещи суть предметы ея наслажденія; 4) существа одушевленныя вѣчны; впрочемъ они сложены изъ частей, потому что суть тѣла; 5) неодушевленныя существа образуются изъ четырехъ стихій, — земли, воды, огня и воздуха, которыя сами суть сцѣпленіе первоначальныхъ элементовъ; 6) душа испытуетъ три состоянія: она или связана дѣйствіями; или свободна отъ исполненія правилъ, чѣмъ прекращается самая дѣятельность; или, наконецъ, совершенна, когда отрѣшилась отъ всякаго подвижничества. Согласно съ сею сектою Тегарваки или Локаятики проповѣдуютъ матеріализмъ и смотрятъ на мышленіе, какъ произведеніе тѣлеснаго организма.

Буддисты большею частію сходны въ слѣдующихъ положеніяхъ: вселенная есть безпрерывная послѣдова-

тельность твореній и разрушеній. Въ срединѣ міра находится свѣтлое пространство заключающее въ себѣ сѣмена всѣхъ будущихъ существъ. Выше сего свѣтлаго пространства въ неразрушимой, вѣчной области обитаетъ первоначальная причина разрушенія тлѣннаго міра. Бытіе, какъ истинное зло, не имѣетъ вещественности и есть чистое произведеніе обольщенія, обманывающаго чувства: всѣ умственныя силы, отъ высотъ свѣтлаго пространства, до безднъ ада, по матеріи разсѣянныя, совлекаются тѣлесности, очищаются, совершенствуются, кончаются взаимнымъ возсоединеніемъ. Постепенное паденіе духовнаго начала подъ бременемъ тѣлесности, (*) съ уничтоженіемъ матеріальной природы чрезъ огонь, воду и воздухъ прекратится, и тогда вся духовность переселится въ высшія и вѣчныя буддійскія страны. Всеобщій духъ неразрушимъ: сохраняя все въ неисчислимомъ времени, онъ пребываетъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока законы *даматы* т. е. судьбы, не принудятъ его къ новому творенію. Существа совершенно совлекшіяся отъ всякой матеріи, — не подлежащія законамъ судьбы содѣлались *Буддами* и пребываютъ въ *нирванѣ*, или вѣчномъ ничтожествѣ,

---

(*) Вотъ примѣръ овеществленія пустоты буддійской: обитатели адскаго предверія Дотога́ду-туйдукчи-Бириты, когда захотятъ принять пищу: то ротъ ихъ дѣлается такъ малъ, какъ игольныя уши, а горло такъ тонко какъ волосъ: если же успѣютъ принять пищу, то чрево ихъ сдѣлавшись подобнымъ горѣ, ничѣмъ неможетъ быть насыщено, а если оно и наполнится; то ноги дѣлаются тонкими, какъ спички, и немогутъ поддерживать всей тяжести тѣла.

противоположномъ бытію матеріи, пустотѣ отрѣшенной, неразственной, вѣчной, безусловной, неизмѣняемой, которая есть начало, сущность, корень, мать и непреложный законъ всѣхъ вещей, тождество подлежащаго и сказуемаго, духовнаго и тѣлеснаго. Нирвана, поглощающая всякое внѣшнее проявленіе духа, въ отношеніи къ существамъ конечнымъ представляется какъ олицетвореніе премудрости. Для сохраненія истиннаго ученія, Будды обитающіе въ вѣчной области, превыше свѣтлаго пространства, по временамъ сходятъ на землю, облекаются тѣломъ, и одинъ токмо разъ проводятъ жизнь въ семъ мірѣ. Другіе *Бодисатвы*, философы, просвѣтители или святые являются нѣсколько разъ въ различныхъ воплощеніяхъ, доколѣ не достигнутъ совершенства Буддъ и не погрузятся въ нирвану. Они имѣютъ совершенную власть надъ враждебною матеріей и надъ обольстительными ея видоизмѣненіями. Распоряжая владычественно *Майіей* или обольщеніемъ чрезъ различныя превращенія обманывающимъ чувства, по своей волѣ, они могутъ весь видимый призракъ разрушить и обратить въ пользу человѣческаго рода. Такъ происходятъ всѣ воплощенія Буддъ. Ихъ души нисходятъ подъ видомъ свѣтлыхъ лучей и принимаютъ тѣло подъ оболочкою *Маіи*. Они ничего не предпринимаютъ безъ особеннаго намѣренія. Ихъ дѣйствія не суть насильственны. Являясь для спасенія низшихъ существъ, окованныхъ матеріей, они не стѣсняютъ ихъ свободы. Четыре Будды уже явились, пятый *Майтрея* явится прежде разрушенія міра, около 4457 года. Мѣстные ви-

димые боги *Нутъ*, управляющіе людьми, обитаютъ наземли; на 6-ти небесахъ выше земли, находятся средніе, однакожъ видимые боги, *Рупа*; высшія 4-ре небеса занимаются невещественными и ревностными послѣдователями Буддъ. Превыше всего блаженствуютъ Будды.

Тибетцы и Монголы для 108 священныхъ томовъ Ганжура, возжигаютъ 108 лампадъ, сооружаютъ особые храмы, и вѣруя, что отъ чтенія, переписки, равно какъ и отъ круговращенія сихъ книгъ проистекаетъ для людей всякая польза, влагаютъ ихъ въ цилиндры подобно мельничнымъ жерновамъ движимые водою. Они поклоняются верховному разуму открывшемуся якобы въ четвертомъ Буддѣ *Шакямуни*. Кромѣ Тибета и Монголіи буддизмъ владычествуетъ въ Индостанѣ, Бухаріи, Цейланѣ, по ту сторону Ганга, Бирманіи, Китаѣ, Японіи, и у Тунгусовъ. Въ Тибетѣ и Монголіи порядокъ далай-ламъ, почитаемыхъ за воплощеніе буддійскаго божества начинается съ XV столѣтія. У буддистовъ равно какъ и у папистовъ, верховные патріархи заняты одними духовными дѣлами, совѣтъ жрецовъ подобно кардиналамъ избираетъ далай-ламу, существуютъ религіозные ордены, исповѣдь къ уху, а не предъ лицемъ жреца, дабы сокрыть лице кающагося, хожденіе босыми ногами и проч. Въ Алтанъ Гэрэлѣ можно видѣть измѣненіе чистыхъ буддійскихъ понятій отъ вліянія браманизма.

Школа буддистовъ раздѣляется на многія секты. Изъ сихъ сектъ, одна подъ именемъ пустоты разумѣетъ существо безтѣлесное и недопускаетъ ни какого бытія кромѣ духовъ и мыслей. Это идеализмъ Беркелея. Другая секта впала въ противоположную крайность. Исходная точка сихъ философовъ есть ощущеніе. Внѣшнія предметы имѣютъ бытіе кратковременное, и перестаютъ су-

ществовать какъ скоро не постигаются чувствами. Явленія смѣняются явленіями; сложности разрѣшаются, что бы дать мѣсто новымъ сочетаніямъ. Одни атомы существуютъ непремѣняемо, вѣчно. Это ученіе во многихъ вертахъ сходно съ матеріализмомъ Кабаниса. Наконецъ третья секта признаетъ дѣйствительнымъ бытіемъ токмо наше *я*, — которое есть вѣчно, и которое изъ собственныхъ нѣдръ извлекаетъ всѣ явленія. Міръ физическій и нравственный есть безконечная, непремѣняемая, роковая цѣпь причинъ и дѣйствій, независящая отъ распоряженія какой либо разумной силы. Конечная свобода души состоитъ въ безстрастіи, гдѣ всякая мысль изчезаетъ. Этотъ личный пантеизмъ, противоположенъ всѣмъ пантеистическимъ системамъ, въ которыхъ наше *я*, равно какъ и всякая посторонняя единичность, есть чистое явленіе. Въ наши времена, онъ возобновленъ Фихтомъ. Чудно, что пустота буддизма царствуетъ надъ милліонами народовъ!

Мысли заключающіяся въ индійскихъ системахъ по большой части суть слѣдующія: 1. Вселенная есть существо безконечное, вѣчное, облекающееся безчисленнымъ множествомъ формъ, и обнаруживающееся въ совокупности явленій. 2. Истеченіе, индійцы принимаютъ вмѣсто творенія; но идея творенія заключаетъ осуществленіе того, чего прежде небыло; а истеченіе есть только раскрытіе того, что скрыто какъ бы въ сѣмени уже

существовало. 3. Вещество, изъ котораго образовались единичныя существа, по нѣкоторымъ индійскимъ системамъ есть бытіе токмо кажущееся и скоропреходящее; а по другимъ, оно есть не видимый и существенный источникъ всѣхъ явленій. 4. Когда постепенное развитіе достигаетъ своего предѣла, и совершенства, тогда совершается переворотъ разрушительный. Виды истеченій входя преемственно другъ въ друга, наконецъ поглощаются въ океанѣ самосущности тогда паки засыпаетъ Брамъ; тогда сила творческая не дѣйствуетъ; тогда, говоря языкомъ другихъ системъ, вещество, или источникъ всякой производительности, возвращается въ прежнее состояніе неразрозненности. Для объясненія сихъ превращеній индійцы употребляютъ символъ черепахи, которая попеременно высовываетъ и прячетъ свои лапы. 5. Состояніе отвлеченія природы, состояніе уничтоженія или погруженіе въ самобытное существо, есть совершенный покой, верховное блаженство и опредѣленная цѣль философіи. Стремленіе къ безразличности или совершенному безстрастію, и на семъ земномъ поприщѣ есть необходимое условіе къ усовершенствованію человѣка. Оно не исключаетъ дѣятельности, такъ какъ и самая философія индійская свидѣтельствуетъ о высшей степени умственной дѣятельности. Но эта дѣятельность допускается токмо какъ временное и преходящее средство, для достиженія совершеннаго спокойствія, въ которомъ всякая дѣятельность совершенно исчезаетъ. Кратко сказать, въ системахъ индійскихъ, идея единства, поглощаетъ идею множества су-

ществъ отдѣльныхъ, и конечное погружается въ безконечномъ.

По ученію ведъ Каленкинъ или посланникъ неба, долженъ нѣкогда осчастливить своимъ прибытіемъ несчастную тварь, направить стремленіе падшихъ человѣковъ къ вѣчному источнику свѣта, отъ коего они удалились, и повергшись въ печальную — юдоль чувственнаго мрака.

КИТАЙ.

§ 133. Книги, извѣстныя подъ именемъ *дзинъ*, суть древнѣйшіе литтературные памятники Китайскіе. Одна изъ нихъ *И-дзинъ* или книга перемѣнъ, родъ первоначальной энциклопедіи, говоритъ о многихъ предметахъ, которые можно раздѣлить на три класса: метафизику, физику и мораль. *Фу-си* основатель Китайской имперіи почитается авторомъ *И-дзинъ* въ ея первоначальной формѣ. Лѣтописи говорятъ, что письмо еще не было изобрѣтено, и что *Фу-си* написалъ эту книгу 24 чертами, или маленькими линейками, изъ которыхъ 12 были цѣлыя, а другія 12 пресѣченныя, или раздѣленныя не большими промежутками. Соединеніе 3 линій составляло триграмму. Одинъ изъ первыхъ преемниковъ *Фу-си* усовершилъ его изобрѣтеніе. Онъ поставилъ надъ каждою изъ 8 главныхъ триграммъ, 8 новыхъ триграммъ, что составило 64 гексаграммы. Основатель династіи *Джоу* царь *Вень-Ванъ*, который жилъ якобы за XII вѣковъ до Р. Х.

присоединилъ къ гексаграммамъ коротенькія замѣчанія, которыя объяснилъ его сынъ — *Джоу-Гунъ*. Не взирая на эти постепенныя прибавленія, И-дзинъ была бы весьма мало для насъ понятна, еслибы около V вѣковъ до Р. Х. Конфуцій своимъ толкованіемъ не объяснилъ таблицу *Фу-си*, замѣчанія *Вень-Ванъ* и толкованія Джоу-Гунъ. Вся эта книжная мудрость по приказанію императора Цинь-Ши-Хуанъ сожжена якобы за 200 лѣтъ до Р. Х.

Изложеніе.

Всѣ вещи, держатся на *Тай-дзи* (le grand comble, magna combinatio scil. perfectionum) т. е. высшемъ началѣ, какъ стропила на вершинѣ кровли. Древніе Китайцы даютъ этому началу имя *Дао*, тождественное съ первоначальнымъ разумомъ, *Ли*, отъ котораго онъ отличается, какъ дѣйствіе отъ силы. Тай-Дзи породило два изображенія или естества *Янъ* и *Инъ*, одно совершенное, другое не совершенное, матерію тонкую и грубую, небесную и земную, свѣтъ и тьму, теплоту и холодъ, сухость и влажность, небо и землю. Два образа *Янъ* и *Инъ* породили четыре другихъ образа, которые означаютъ состояніе силы или постоянства, измѣненія или слабости. Эти противоположныя состоянія представляются подъ именемъ молодости и старости. *Янъ* и *Инъ*, или небо и земля, матерія совершенная и несовершенная сочетались какъ бы бракомъ и чрезъ порожденіе четырехъ

образовъ произвели вселенную сообразно 8 триграммамъ. *Фу-си.* Сверхъ двоякой матеріи *И-Дзинъ* говоритъ также о духахъ, называемыхъ то *Гуй-шень*, то просто *Шень.* Они проистекаютъ отъ первоначальнаго разума въ двоякую матерію. Сила ихъ дѣятельности зависитъ отъ чиселъ. Здѣсь Китайцы помѣщаютъ таинственную теорію, чрезвычайно трудную для понятія. Числа раздѣляются на небесныя и земныя, на совершенныя и не совершенныя; изъ 10 первыхъ чиселъ 5 нечетныхъ — небесныя, а 5 четныхъ — земныя. Рожденіе стихій представляется въ численныхъ сочетаніяхъ, и происходитъ какъ бы по математическимъ законамъ. Человѣкъ имѣетъ двѣ души: въ грубой душѣ живетъ способность ощущенія въ тонкой душѣ, Шань-хунь способность познанія. По смерти первая происшедшая изъ земли, возвращается туда; другая восходитъ къ небу, откуда она сошла и дѣлается духомъ. Мораль *И-дзинъ* основана на томъ началѣ, что человѣкъ долженъ подражать небесному разуму, Дао, который будучи безконечно блистателенъ и высокъ унижается даже до земли. Смиряясь такимъ образомъ, человѣкъ, отвергающійся суеты мірской и успѣвающій въ безстрастіи будетъ возвеличенъ небеснымъ разумомъ, Дао. Такова въ своихъ главныхъ основаніяхъ философія *И-дзинъ.* Эта книга весьма замѣчательна не только по глубинѣ мыслей, но и по формѣ; 8 триграммъ *Фу-си* и 64 гексаграммы, выводимыя чрезъ умноженіе на самихъ себя, ихъ положеніемъ, сочетаніемъ и качествами изображаютъ перемѣны, происходящія въ физическомъ и

нравственномъ мірѣ. Понятіе о Богѣ у Китайцевъ, возвышеннѣе, нежели у прочихъ восточныхъ языческихъ народовъ. Богъ есть высшее начало всѣхъ субстанцій, всѣхъ силъ, всѣхъ бытностей; слѣд. Богъ выше всѣхъ вещей, всѣхъ духовъ, всего мірозданія — и однакожъ Онъ есть первооснова всего творенія, эта первооснова не есть безкачественная, въ ней *Ли* и *Дао*, разумъ и законъ; духи суть начало дѣятельное, матерія начало страдательное въ мірозданіи; средоточіе духовъ и матеріи — это — малый міръ, или человѣкъ. Правда, что наука о числахъ, при изысканіяхъ философскихъ, часто въ древности была употребляема въ дурную сторону. Но она имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ философъ, какъ напр. Невтонъ, при изученіи природы имѣетъ цѣлію, не токмо познать всеобщіе законы природы, но и математически опредѣлить ихъ. Китайцы давно открыли путь къ тому; но не пользуются своимъ открытіемъ.

Развитіе философіи.

И-дзинъ содержитъ во первыхъ ученіе метафизическое и космологическое; во вторыхъ нравственное, бывшее основаніемъ двухъ другихъ *Дзинъ*, одной *Шу-дзинъ*, въ которой нравственность смѣшана съ исторіей, а другой *Ши-дзинъ*, въ которой нравственность представляется подъ формою поэзіи дидактической. Китайская философія раздѣляется на двѣ школы, соотвѣтствующія этимъ двумъ отраслямъ первоначальнаго познанія: школа

Лао-дзы была метафизическая, а начала нравственныя были главнымъ предметомъ въ школѣ Конфуціевой. Онѣ возникли около VI вѣковъ до Р. Х.

ЛАО-ДЗЫ.

Лао-дзы родился въ провинціи *Ху-Гуанъ*, въ началѣ VI вѣка до Р. Х. повѣтствуютъ, что онъ явился въ міръ съ бѣлыми волосами, символомъ преждевременной его мудрости; почему и дано ему имя *Лао-дзы*, *дитя старецъ*. Не многія обстоятельства изъ его жизни до насъ дошедшія можно читать въ запискахъ Авель Ремюзы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пишетъ объ этомъ философѣ. Кажется *Лао-дзы* предпринималъ долговременное путешествіе въ западныя страны. Время и мѣсто его смерти намъ не извѣстны. Говорятъ, что онъ, видя государство разрушаемое великими безпорядками и колеблемое въ своихъ основаніяхъ, уклонился въ одну отдаленную провинцію, чтобы провесть тамъ въ уединеніи остатокъ жизни. Мандаринъ того мѣста принялъ его къ себѣ съ полнымъ благорасположеніемъ и поручилъ ему письменно изложить начала своего ученія. *Лао-дзы* написалъ *Дао-де-дзинъ*, т. е. *путь къ добродѣтели*. Окончивъ ее онъ опять искалъ уединенія и скрылся. Встрѣча его съ Конфуціемъ — есть важный предметъ для исторіи философіи. Вотъ какъ она, разсказывается въ жизни Конфуція, извлеченной Аміотомъ изъ легендъ Китайскихъ. *Лао-дзы* увидѣвъ *Кунъ-дзы* или *Кунъ-фу-дзы* т. е.

Конфуція сказалъ ему: я слышалъ о тебѣ, и зналъ тебя по славѣ твоей. Говорятъ, что ты разговариваешь только о предкахъ нашихъ и изыскиваешь произнесенныя ими наставленія. Для чего ты такъ стараешся воскресить людей которыхъ нѣтъ уже на землѣ ни одного слѣда? Мудрецъ долженъ заниматься только своимъ временемъ и размышлять о настоящихъ обстоятельствахъ. Если время и обстоятельства благопріятны, онъ долженъ ими пользоваться; если время и обстоятельства не благопріятны, онъ долженъ уединиться, стараться о собственномъ спокойствіи, и не мѣшаться въ чужія дѣла. Кто обладаетъ сокровищемъ; тотъ не имѣетъ нужды показывать его всѣмъ людямъ: онъ хранитъ его для употребленія въ нуждѣ. Если бы ты былъ мудръ, то поступалъ бы также. По твоимъ дѣламъ можно заключить, что ты преданъ тщеславію и гордости. Исправь этотъ недостатокъ; очисти твое сердце отъ страсти нравиться. Это для тебя гораздо полезнѣе будетъ, нежели изысканія о предкахъ. Ты хотѣлъ знать, въ чѣмъ состоитъ мое ученіе; я его высказалъ тебѣ; воспользуйся имъ; болѣе нечего сказать тебѣ. *Кунъ-фу-дзы* не оскорбился укорительною рѣчью старца; разставшись съ нимъ, онъ сказалъ ученикамъ своимъ: я видѣлъ *Лао-дзы*; впрочемъ узналъ его также мало, сколь мало знаю дракона. Птицы разсѣкаютъ крыльями воздухъ, рыбы плаваютъ въ водахъ, четвероногія попираютъ землю ногами; я знаю, какъ это происходитъ; что касается до дракона, я не знаю, какъ онъ можетъ спуститься съ облаковъ, и по-

томъ опять туда возлетѣть. Я знаю, какъ ловить птицъ сѣтями, поражать четвероногихъ копьемъ; но незнаю, какъ надобно въ такомъ случаѣ, поступить съ дракономъ: также точно не знаю, какъ обходиться съ *Лао-дзы*. Мы незнаемъ откуда извлеченъ разсказъ объ этой встрѣчѣ; если онъ взятъ изъ сочиненій послѣдователей *Кунъ-фу-дзы*, то можетъ быть подозрительнымъ, по той ненависти, какую сіи ученые питали къ сектѣ *Дао-сы*. Впрочемъ изъ словъ приписанныхъ *Кунъ-фу-дзы* видно, что *Лао-дзы* не захотѣлъ открыть ему своего философскаго ученія, которое, вѣроятно во многомъ различно было отъ ученія *Кунъ-фу-дзы*. Конфуцій, занимавшійся нравственностію обращалъ ко всѣмъ свои наставленія: *Лао-дзы* упражнялся въ метафизическихъ созерцаніяхъ и не почиталъ нужнымъ открывать ихъ простому народу; потому что онѣ были выше его понятій. Вѣроятно онъ, какъ и многіе западные философы, имѣлъ два ученія, публичное и тайное. Секта *Дао-сы* въ Китаѣ чтила *Лао-дзы* и приписывала ему божественное происхожденіе. Но каково начало этой секты? Философская секта *Лао-дзы* преобразовалась ли въ послѣдствіи времени въ религіозную? или какая нибудь секта противная Конфуцію присвоила себѣ имя *Лао-дзы* назвавъ его творцемъ новаго ученія, между тѣмъ, какъ онъ былъ токмо преобразователемъ обрядовъ религіозныхъ? Эти вопросы можетъ разрѣшить токмо исторія грядущихъ временъ и обширнѣйшее знакомство Европейцевъ съ Китаемъ. Намъ извѣстно только то, что секта *Дао-сы*

на мыслительномъ поприщѣ значительно унизилась, и едва нынѣ примѣтна.

Изложеніе ученія.

Предполагая, что вопросы относительно ученія *Лао-дзы* разрѣшены, намъ довольно будетъ здѣсь изложить сравненіе сего ученія съ ученіемъ Греческихъ Философовъ; къ этому краткому изъясненію мы прибавимъ изреченія Китайцевъ, которыя подтвердятъ наше сравненіе. 1. *Лао-дзы*, подобно платоникамъ и стоикамъ, началомъ всего полагаетъ разумъ, существо высочайшее, неограниченное, подобное токмо себѣ самому. Подобно Платону онъ даетъ этому существу имя: разумъ и слово. Онъ говоритъ, первоначальный сверхъ-естественный разумъ можетъ быть выраженъ токмо словомъ; ему можно дать имя, но онъ невыразимъ. Безъ имени онъ есть начало неба и земли; съ именемъ — матерь вселенной. Надобно быть безстрастнымъ тому, кто хочетъ созерцать его изящество; человѣкъ со страстями не совершенно созерцаетъ его сіяніе. Сія *непроницаемая глубина* содержитъ въ себѣ всѣ существа по превосходству. Прежде хаоса, предшествовавшаго рожденію неба и земли, было одно это существо неизмѣримое, покоющееся въ безмолвіи, всегда дѣйствующее безъ всякаго измѣненія въ сущности. Я не знаю его имени, но означаю его словомъ — *разумъ*. 2. Подобно Пиѳагору онъ полагаетъ происхожденіе существъ изъ монадъ. Разумъ произвелъ

единицу, единица произвела двоицу, отъ троицы произошли всѣ вещи. Единица, говоритъ Хуай-нань-дзы, есть источникъ всѣхъ вещей, есть разумъ, неимѣющій ничего себѣ равнаго. По Вэй-дзяо единица есть существо разумное, чистота небесной добродѣтели, источникъ тѣлъ, начало чиселъ. 3. Подобно Платону онъ въ мірѣ и человѣкѣ усматриваетъ подобіе первообраза Божественнаго, и говоритъ: почитая неизбѣжнымъ началу всѣхъ вещей дать имя, я его называю величиною, поступательностію, отдаленностію, противоположностію существамъ конечнымъ. — Въ мірѣ четырехъ родовъ величество: разума, неба, земли и государя; человѣкъ имѣетъ свой первообразъ, въ землѣ, земля въ небесахъ, небо въ разумѣ, разумъ въ себѣ самомъ. 4. Подобно Пиѳагору и большей части Греческихъ Философовъ, онъ вѣрилъ истеченію душъ изъ эѳира, съ которымъ они опять соединятся по смерти; и, какъ Платонъ, говоритъ, что порочнымъ не возможно будетъ паки соединиться съ душей вселенной. Съ Саллюстіемъ онъ представляетъ между двумя началами, разумомъ и матеріею, гармоническій союзъ, который есть паръ все соединяющій, дыханіе жизни, душа всего. Всѣ вещи, говоритъ Философъ, утверждены на землѣ и покрыты эѳиромъ. Паръ или духъ жизни соединяющій ихъ, составляетъ гармонію всего. Существа плодятся отъ ущерба души вселенной, которая въ свою очередь усиливается отъ ихъ изчезновеній. Но порочные люди не соединяются съ душею міра. Я въ этомъ случаѣ отецъ науки. Чтобы неошибиться въ ученіи греческихъ

Философовъ, и лучше понять ученіе Лао-дзы, ненадобно забывать различія между двумя душами, — одною грубою и чувственною, другою чистою и разумною: мы уже видѣли это въ И-дзинъ. Вѣроятно Лао-дзы подъ духомъ жизни понимаетъ душу грубую, которая должна нѣкогда соединиться съ душей разумною въ душѣ вселенной. 5. Подобно Платоникамъ онъ противополагаетъ первоначальное состояніе разума Божественнаго до происхожденія міра, его дѣятельному состоянію, когда онъ началъ приводить хаосъ въ порядокъ, и творить вселенную. 6. Подобно Неоплатоникамъ онъ составляетъ таинственную и верховную троицу, какъ по отношенію къ тремъ временамъ божественнаго существованія, такъ и по отношенію къ главнымъ Божественнымъ свойствамъ, и эту не изъяснимую троицу онъ называетъ именемъ, которое можетъ быть произведено только съ Еврейскаго языка. Тотъ на котораго вы взираете, и, коего еще не видали, называется *I*. Тотъ котораго вы слышите и еще неслыхали, называется *Еги*. Тотъ, котораго рука ваша ищетъ и не можетъ осязать, называется *Ва*. Этихъ трехъ существъ не возможно понять, и они всѣ вмѣстѣ составляютъ одно. Высшее не больше блистательно какъ и нисшее. Это есть непрерывная несказанная цѣпь, проникающая даже и несущее. Это есть форма безъ формы, образъ безъ образа, существо неописуемое. Восходя выше, невидно его начала; слѣдуя ниже, не представляется его конца.

КОНФУЦІЙ.

Китайское имя Конфуція есть Кунъ-фу-дзы. Онъ родился въ области Лу въ 551 году прежде Р. Х. На 24 году потерявъ мать, онъ погрузился въ плачь, посвятилъ себя трехъ-лѣтнему уединенію и въ это время почувствовалъ призваніе къ любомудрію. Тогда Китай былъ потрясаемъ судорогами тройкаго упадка религіознаго, нравственнаго и гражданскаго. Чтобы уврачевать это зло, Конфуцій вознамѣрился возстановить древнія правила, основать школу, для распространенія ихъ во всей силѣ, принаровить ихъ къ общественнымъ должностямъ, обратить ихъ въ жизнь Китайцевъ. Въ сихъ подвигахъ онъ провелъ всю жизнь. Онъ украшалъ своими достоинствами тотъ санъ, въ который былъ облеченъ для пресѣченія злоупотребленій и еще болѣе украшался непоколебимымъ спокойствіемъ при непріятностяхъ и гоненіяхъ. 3000 учениковъ, разсѣянныхъ по всей китайской имперіи просвѣщали народъ, а самъ Конфуцій по временамъ посѣщалъ и утверждалъ свои провинціальныя, нравственныя школы. Нѣкоторые изъ учениковъ постоянно обитали съ нимъ во всю жизнь и всюду слѣдовали за нимъ до самой смерти. Основаніе сихъ школъ, труды Конфуція, распоряженія правительства были направлены къ тому, чтобы совершить то великое дѣло, которому посвятилъ себя Философъ, и которое было душей всѣхъ его словъ и всѣхъ поступковъ. Онъ хотѣлъ воскресить древнее ученіе и для сего въ теченіе многихъ лѣтъ ста-

рался привесть въ порядокъ древніе литературные памятники Дзинъ, — въ коихъ заключалось все сокровище китайскихъ познаній. Конфуцій окончилъ свой трудъ въ старости. Совершивъ ученое поприще онъ собралъ тѣхъ изъ учениковъ своихъ, которые были болѣе къ нему привержены и на которыхъ онъ болѣе могъ положиться въ обнародованіи ученія по смерти его. Онъ привелъ ихъ къ подножію одного изъ тѣхъ древнихъ холмовъ, при которомъ былъ построенъ *Тинъ* или павильонъ для памятника и тамъ общими силами повелѣлъ имъ воздвигнуть жертвенникъ. Когда жертвенникъ былъ построенъ, наставникъ положилъ на него 6 дзинъ, и преклонивъ колѣна съ лицемъ обращеннымъ къ Сѣверу благодарилъ небо съ чувствомъ искреннѣйшей признательности за то благодѣяніе, что оно даровало ему время и силы достаточныя къ окончанію такого предмета, который одинъ привязывалъ его къ жизни. Этотъ благочестивый обрядъ онъ совершилъ съ очищеніемъ и постомъ и заключилъ его жертвоприношеніемъ полнымъ и совершеннымъ. Онъ оставилъ многія нравственныя сочиненія, въ послѣдствіи раскрытыя его учениками, изъ коихъ весьма знаменитъ *Мепъ-дзы*. Конфуцій умеръ 73 лѣтъ, въ 479 году до Р. Х. Предъ смертію онъ сказалъ одному изъ учениковъ своихъ: нынѣ китайскіе государи удалились отъ благочестія предковъ; никто изъ нихъ не любитъ ученія, мною проповѣданнаго: вотъ предметъ моей печали. Онъ не сошелъ бы съ такою скорбію во гробъ, если бы могъ предвидѣть то вліяніе, которое въ послѣдствіи

произвело его ученіе. Его память была почитаема съ божественными почестями, и Китай доселѣ признаетъ его мудрецомъ по превосходству.

Изложеніе.

Слѣдующее мѣсто заключаетъ сущность нравственныхъ правилъ Конфуція. Я васъ ни чему не учу, говорилъ онъ безпрестанно современникамъ; вы научитесь сами собою, если только правильно будете употреблять умственныя способности. Нѣтъ ничего проще тѣхъ спасительныхъ правилъ нравственности, которыя я стараюсь внушить вамъ. Все, что я говорю вамъ, наши древніе мудрецы исполнили на дѣлѣ прежде насъ; эта дѣятельность состоитъ въ исполненіи трехъ коренныхъ законовъ долга, который обязываетъ государей и подчиненныхъ, отцевъ и дѣтей, мужа и жену. Вся нравственность относится къ точному исполненію пяти главныхъ добродѣтелей; довольно воспомянуть о нихъ, чтобы внушить вамъ понятіе о ихъ превосходствѣ и необходимости послѣдовать имъ. Людскость, или любовь ко всѣмъ людямъ безъ различія: справедливость, воздающая каждому должное, неблагопріятствующая одному болѣе, нежели сколько другому; исполненіе обрядовъ и обычаевъ общественныхъ, чтобы граждане жили единообразно и участвовали въ одинаковыхъ выгодахъ и не выгодахъ; правота ума и сердца, состоящая въ храненіи всякой истины, и въ удаленіи отъ всякой лжи; наконецъ чистосердечіе, или свобо-

да, уничтожающая всякое лукавство какъ въ поступкахъ, такъ и въ разговорахъ: вотъ что содѣлало нашихъ первыхъ наставниковъ достойными уваженія въ жизни, и обезсмертило ихъ во временахъ грядущихъ! Возмемъ ихъ за образецъ и постараемся подражать имъ. Характеръ конфуціева ученія состоитъ въ томъ, что въ немъ всѣ обязанности представлены какъ разнообразныя формы обязанностей семѣйственныхъ. Законъ семѣйственный есть всеобщій. Эта идея, мать сей философіи, соединяетъ всѣ добродѣтели въ семѣйственное благочестіе. Конфуцій сидя съ Дзэнъ-дзы сказалъ ему: знаешъ ли ты, какую изящную добродѣтель и какое существенное ученіе вводили наши древніе государи въ имперіи, для водворенія согласія между ихъ подданными, и истребленія недовольныхъ между высшими и нисшими? Дзенъ-Дзы, приподнимаясь изъ почтенія къ учителю, отвѣчалъ, почему могу знать это, я мало-просвѣщенный? Сыновнее почтеніе, сказалъ Конфуцій, есть корень всѣхъ добродѣтелей и первый источникъ ученія. Источникъ всякаго зла есть борьба, между высшими и нисшими. Изъ этаго противоборства проистекаетъ все, что возмущаетъ государственное устройство. Добродѣтель уничтожающая сію распрю, и слѣд. добродѣтель коренная, есть сыновняя признательность. Но дабы имѣть понятіе о повсемственномъ вліяніи сей добродѣтели, должно познать ее во всей обширности. Она раздѣляется на три безпредѣльныя сферы; первая сфера, почтеніе къ родителямъ; вторая— служеніе государю и отечеству; послѣдняя и высшая,—

подвижничество въ добродѣтеляхъ, что составляетъ высоту нашего совершенства. Семѣйство, государство, вселенная, устроены по единой идеѣ, по единому первообразу. Отецъ, государь, Богъ суть начальники сей троякой фамиліи. Власть отца, есть власть Бога, власть государя есть власть отца, дѣти у отца тоже что подданные у государя и люди у Бога.

Первая сфера сыновняго почтенія къ родителямъ простирается на всѣхъ людей начиная отъ царя до послѣдняго изъ подданныхъ. Премудрые древніе императоры благоговѣли къ своимъ родителямъ съ истинною сыновнею нѣжностію. Вотъ почему они служили *Тьянь* съ такимъ раченіемъ! Они блюли своихъ матерей съ совершеннымъ благочестіемъ; вотъ почему они покланялись *Ли* съ такою набожностію! Они были исполнены снисхожденія къ старшимъ и юнымъ родственникамъ: вотъ почему они столь счастливо управляли и высшими и нисшими! *Тьянь* и *Ли* были боготворимы въ духѣ и благочестіи: вотъ почему духъ разума, обнаруживался въ ихъ распоряженіяхъ. Сія главная обязанность примѣняется къ различнымъ состояніямъ въ обществѣ. Вельможи, ученые, простолюдины, подражая императорамъ, и сообразно собственнымъ домашнимъ средствамъ, должны пользоваться литтературой, благопріятными перемѣнами погоды, сокровищами земли, различными промыслами, экономіей для того, чтобы питать и покоить родителей.

Вторая сфера благочестія сыновняго есть служеніе государю и отечеству. Отношеніе отца къ дѣтямъ раждаетъ первую мысль о государѣ и подданномъ. Государь есть отецъ и мать народовъ. Имѣйте такую же любовь къ государю, какую имѣете къ отцу и матери; тогда вы будете вѣрными подданными, почтительными къ начальникамъ. Кто возмущается противъ царя и неуважаетъ высшихъ, тотъ грѣшитъ потому только, что въ немъ нѣтъ сыновней признательности склонной къ повиновенію.

Третія сфера сыновняго благочестія, есть подвижничество въ добродѣтели, въ чѣмъ состоитъ наше совершенство. Сколь не велико должно быть почтеніе дѣтей къ отцу и подданнаго къ государю; впрочемъ это почтеніе не должно состоять въ одной слѣпой покорности ихъ волѣ во всѣхъ обстоятельствахъ. Осмѣливаюсь спросить, сказалъ Дзэнъ-дзы, если сынъ повинуется во всемъ волѣ родителя; то исполняетъ ли симъ всѣ обязанности сыновняго благочестія? О чѣмъ ты спрашиваешъ меня? Отвѣчалъ, Конфуцій. Императоръ въ древности имѣлъ семь мудрецовъ для смотрѣнія, ежедневной записи о его поведеніи и обличенія, и хотя онъ по временамъ вдавался въ великія крайности, но немогъ уронить имперіи. Министръ содержалъ пять мудрецовъ для смотрѣнія за нимъ; и хотя иногда впадалъ въ безпорядки, но немогъ лишиться своего мѣста. Вельможа имѣлъ трехъ мудрецовъ для смотрѣнія за нимъ, и хотя преда-

вался порокамъ, но немогъ потерять своего дома. Ученый имѣлъ друга для надзора, и никогда небезчестилъ своего имени. Отецъ имѣлъ сына для надзора за нимъ, и никогда не доходилъ до упадка. Когда отецъ дѣлаетъ зло: то сынъ долженъ это замѣтить, какъ подданный государю; а когда сынъ отцу и подданный государю учтиво донесетъ о его зломъ поступкѣ, то симъ исполнитъ весь долгъ сыновней признательности. Такимъ образомъ есть законъ выше воли родителя и государя. Какъ приказанія отца подчинены законнымъ повелѣніямъ государя, такъ воля того и другаго подчинена неизмѣняемому, вѣчному, закону неба *Тьянь*, коего исполненіе есть совершенство сыновняго благочестія. Служеніе *Тьянь* есть источникъ истинной мудрости, отъ коего проистекаютъ всѣ обязанности такъ какъ и самыя непреложныя отношенія отца и сына происходятъ изъ сущности самаго *Тьянь*. Должности супруга и супруги, брата и сестры относятся къ распоряженіямъ родоначальниковъ, какъ взаимныя должности гражданъ зависятъ отъ воли государя; а первообразъ ихъ есть *Тьянь*, коего законъ есть основаніе долга соединяющаго все человѣчество. Удивленный ученіемъ наставника Дзэнъ-дзы воскликнулъ: о неизмѣримость сыновняго благочестія, сколь ты удивительна! что правильность теченія планетъ для неба, и плодоносіе полей для земли; тоже и сыновнее благочестіе для утвержденія народовъ. Небо и земля никогда другъ другу непротиворѣчатъ: пусть народы подражаютъ имъ, и гармонія міра будетъ столь же постоянна, какъ свѣтъ

неба и плодоносіе земли. Такое ученіе Конфуція поглощающее законодательство, законоблюстительство и законоисполненіе въ одной семѣйственности стѣсняетъ личную гражданственную свободу и дѣятельность; и хотя оно имѣло значительное вліяніе на неподвижность, продолжительное существованіе и распространеніе, какъ обыкновенно говорятъ о себѣ Китайцы, небеснаго ихъ царства, но оно же и заклеймило его умственнымъ и гражданственнымъ застоемъ.

ГЛАВНЫЕ УЧЕНИКИ КОНФУЦІЯ.

Дзэнъ-дзы, родился въ 505 году до Р. Х. онъ написалъ отвѣты Конфуція, и былъ весьма уважаемъ, какъ по своимъ познаніямъ, такъ и по добродѣтели. Другой Сяо-дзинъ, сочинилъ Да-сіо, или книгу о *великомъ познаніи*, въ которой изложены различныя должности человѣка. О времени смерти сихъ философовъ неизвѣстно.

Дзы-сы внукъ Конфуція. По смерти своего наставника дѣда, съ 37 лѣтъ, продолжалъ учиться подъ руководствомъ Дзэнъ-дзы. Справедливо онъ почитается авторомъ книги Джунъ-юнъ, т. е. непремѣняемой средины, medio tutissimus ibis, которая была приписуема Конфуцію. Въ этой книгѣ нравственныя размышленія смѣшаны съ метафизическими созерцаніями. Дзы-сы умеръ въ 553 году до Р. Х.

Менъ-дзы родился въ началѣ IV столѣтія до Р. Х. и былъ ученикомъ Дзы-сы. Послѣ Конфуція онъ почитается славнѣйшимъ китайскимъ философомъ. Книга въ семи главахъ, носящая его имя, изъясняетъ ученіе Конфуція языкомъ менѣе грубымъ, нежели какой усвоенъ знаменитымъ патріархомъ нравственной китайской философіи. Методъ размышленій Менъ-дзы близокъ къ методѣ Сократа хотя онъ по примѣру своего учителя и защищалъ долгъ гражданскаго повиновенія, но въ тоже время въ пользу справедливости, тираническій волѣ противополагалъ голосъ прекословія. Онъ умеръ въ 314 году до Р. Х. Книга Менъ-дзы выдана въ послѣдствіи на латинскомъ языкѣ Станиславомъ Жюліенъ.

Въ XIII вѣкѣ по Р. Х. въ отечествѣ Конфуція образовалась школа, которая проложила себѣ совсѣмъ иной путь. Она впала въ матеріалистическій пантеизмъ, который отнялъ у нравственности всякое религіозное основаніе, и который произвелъ одну худую, отвлеченную физику мечтающую изъяснить все и ничего необъясняющую.

У китайскихъ философовъ сохранилось ученіе о просвѣтителѣ человѣчества, необыкновенномъ посланникѣ неба. Въ книгѣ Джунъ-юнъ говорится: какъ возвышенны пути Святаго! Его добродѣтель обниметъ цѣлый міръ; онъ всѣмъ сообщитъ новую жизнь и новыя силы и вознесется къ Тьянь. Какое обширное поприще откроется для насъ! Мэнъ-дзы говоритъ: народы ожидаютъ его какъ поблекшія растенія ожидаютъ дождя.

ПЕРСІЯ.

§ 134. Въ концѣ XVIII столѣтія Анкетиль отправился на Востокъ для пріобрѣтенія Зендавесты, или собранія древнихъ литтературныхъ памятниковъ персидскихъ и послѣ многочисленныхъ трудовъ доставилъ европейскимъ наукамъ это персидское сокровище. Къ изданному переводу онъ присоединилъ замѣчанія, свидѣтельствующія о его глубокомъ познаніи восточныхъ древностей. Это сочиненіе приписываемое Зороастру, относится къ той древней эпохѣ, которая еще не опредѣлена съ точностію. Вѣроятно, что первобытная персидская религія вовремена составленія Зендавесты была крайне обезображена грубымъ звѣздочетствомъ. Ученіе Зороастра кажется имѣло цѣлію преобразовать и очистить Богопочтеніе, возвысивъ его къ спиритуализму, представляя чувственный міръ какъ бы символомъ и оболочкою духовнаго міра. Зендавеста содержитъ два рода сочиненій. *Вендидадъ*, *Изешне*, *Виспередъ*, написанные языкомъ Зендъ, суть преимущественно богослужебныя книги. Но между множествомъ молитвъ и обрядовыхъ уставовъ они заключаютъ въ себѣ и понятія философскія. Эти творенія не суть дидактитескія; и еще меньше въ нихъ примѣтно изложеніе наукообразное. Впрочемъ, совокупляя разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ отрывки, можно составить въ нѣкоторой степени связное, наукословное ученіе. *Бундегешь* или о началѣ творенія, написанное языкомъ Пельви, содержитъ космогонію, которая разливаетъ великій свѣтъ

на многія части литтературныхъ памятниковъ Персіи. Изъ сей космогоніи, какъ вѣтви, происходятъ различныя понятія объ отношеніяхъ человѣка къ Богу, къ самому себѣ и ближнимъ. Идеи, которыя тамъ замѣчаются о первой изъ древнихъ наукъ, астрономіи, и о первомъ изъ искуствъ, земледѣліи, напоминаютъ двоякое отношеніе, — небесное и земное, умственное состояніе таинственнаго отечества маговъ, и видимое общество жрецовъ, которые для Мидіи и Персіи были тѣмъ же, чѣмъ брамины для Индіи. Нынѣ сынъ Бюрнуфъ готовитъ новый переводъ Зендавесты съ объясненіемъ.

Изложеніе 1. Въ началѣ существовало время безъ границъ. Подъ симъ именемъ Зенд-авеста разумѣетъ первообразную единицу, источникъ существъ. Здѣсь обнаруживается уже различіе между ученіемъ персидскимъ и индійскимъ. Первое представляетъ Бога существомъ безконечнымъ. Индійцы, дабы достигнуть понятія о Богѣ, изобрѣтаютъ отвлеченное умозрѣніе о безконечномъ. Этотъ первый шагъ ведетъ къ заключенію, что философія персидская въ обширности не можетъ сравниться съ индійскою. 2. Вѣчность или время безъ границъ произвело Ормузда, существо чистое и доброе по превосходству. Онъ есть свѣтъ, *творящее слово*. 3. Время безъ границъ произвело еще Аримана, существо злое, начало тмы. Онъ есть существо погруженное въ преступленіи, виновникъ раздѣленія и безначалія, глава тѣхъ, которые головы неимѣютъ. 4. По древнимъ персидскимъ преда-

ніямъ, собраннымъ Шаристаномъ, Ормуздъ есть начало духовъ, а Ариманъ, геній матеріи, есть какъ бы тѣнь духа. 5. Твореніе составленное первоначально изъ сихъ двухъ враждебныхъ началъ, заключало въ своихъ нѣдрахъ коренное раздѣленіе, борьбу неизбѣжную; отселѣ идея брани содѣлалась общею формулою вселенной. Сія борьба въ физическомъ мірѣ изображается въ послѣдовательности дня и ночи, которыя оспориваютъ первенство у времени и поперемѣнно изгоняютъ другъ друга. 6. Ормуздъ сначала произвелъ ферверовъ, которые суть живые первообразы всѣхъ вещей, потомъ Амшаспандовъ и Изедъ или царей надъ добрыми геніями, которымъ Персы вѣрятъ и молятся. Ариманъ, чтобы затмить свѣтлыя силы Ормузда, произвелъ Девовъ, силы мрачныя, геніевъ злыхъ и невѣрныхъ, коихъ девизъ есть: можетъ статься. 7. Такимъ образомъ все твореніе состоитъ изъ двухъ противоположныхъ міровъ; такое противоборство вкралось и въ нижній человѣческій міръ, или вселенную. Ормуздъ произвелъ зародышъ этого низшаго творенія, или сѣмя, которое заключало начало жизни всѣхъ людей, животныхъ и растѣній. Это твореніе въ зародышѣ представлялось подъ видомъ тельца, символомъ органической силы. Ариманъ вооружился противъ неба, сошелъ на землю, и поразилъ смертію таинственнаго тельца; но его плодоносная смерть породила жизнь. Изъ его лѣваго плеча вышла его душа, жизненное начало, хранилище душъ всѣхъ животныхъ, а изъ праваго плеча произошелъ первый человѣкъ. Его кровь произвела чистыхъ

животныхъ, а изъ тѣла родились чистыя растѣнія. Для того, чтобы поддержать борьбу въ этой области творенія, Ариманъ тотчасъ образовалъ царство животныхъ и растѣній нечистыхъ. Баснь о первоначальномъ тельцѣ конечно измышлена съ тою цѣлію, чтобы показать — единство жизненнаго начала во всѣхъ органическихъ существахъ. 8. Міру добрыхъ геніевъ сотворенному Ормуздомъ, Ариманъ противопоставилъ злыхъ геніевъ; творенію животному и растительному, преданному во власть человѣка, противоположилъ твореніе того же рода, но поврежденное и вредящее. Одинъ человѣкъ поставленный между сими двумя крайностями, избѣжалъ сей двойственности и противоположности творенія. Ариманъ не могъ найти средства создать злаго человѣка: вотъ мысль возвышающая нравственное достоинство человѣческой природы! Онъ могъ только убить перваго человѣка и Каюмортсъ, который былъ вмѣстѣ мужъ и жена, палъ подъ его ударами. Изъ его крови при посредствѣ многихъ преобразованій, родились Мешіа и Мешіана, предки человѣческаго рода, которые тотчасъ были обмануты Ариманомъ и приносили жертвы Девамъ. 9. Съ этого времени между Ормуздомъ и Ариманомъ непрерывно продолжается великая борьба. Люди живутъ на земли подъ двоякимъ вліяніемъ добрыхъ геніевъ и Девовъ, которые стараются освятить, или осквернить ихъ души, и въ двоякомъ столкновеніи матеріальныхъ существъ, чистыхъ и нечистыхъ, которыя производятъ чистоту, или скверну въ человѣческомъ тѣлѣ: отсюда происходитъ необходи-

мость двоякаго очищенія духовнаго и тѣлеснаго: это очищеніе совершается посредствомъ молитвъ и обрядовъ, которымъ Ормуздъ научилъ Зороастра. 10. Души человѣческія послушныя Аримапу совокупятся съ Девами въ мрачной пропасти — въ странѣ казни: а покорные Ормузду соединятся съ нимъ и съ добрыми геніями въ царствѣ свѣта и блаженства. Наконецъ нѣкогда самъ Аримапъ очистится, зло будетъ побѣждено, и противоборство творенія исчезнетъ.

Примѣч. 1. При изложеніи персидской философіи сколько нибудь полномъ, не возможно исключить религіозныхъ преданій. 2. Въ индійской философіи преобладающая мысль — единство творенія; персидская философія допускаетъ не токмо двойственность, но и противоборство творенія во всѣхъ степеняхъ. Впрочемъ такой противоположности по Зендавестѣ, небыло въ началѣ и небудетъ въ концѣ міра. 3. Какимъ сотворенъ Аримапъ? Злымъ ли, и слѣд. зло происходитъ отъ времени безъ границъ, или добрымъ и сдѣлался злымъ по произволу? Слѣдуя понятіямъ персидскихъ маговъ послѣднее рѣшеніе вѣроятнѣе, хотя оно и неопредѣлено въ Зендавестѣ. 4. Исторія молчитъ о философскихъ школахъ Персіи; но вліяніе персидскихъ мыслей на философію Гностиковъ весьма примѣтно. 5. Абулфараджа въ исторіи династій училъ: въ послѣднія времена Дѣва зачнетъ во чревѣ безъ мужа; при рожденіи ея младенца явится звѣзда не померкающая и днемъ; съ явленіемъ сей звѣзды на небѣ, немедленно откроются будущіе ученики младенца, поклонятся ему и принесутъ свои дары; сей младенецъ есть всемогущее слово, которымъ сотворено небо. Самъ Зороастръ говоритъ, что въ послѣднія времена явится Ошамденберга т. е. мужъ міра. Онъ украситъ міръ религіею и правосудіемъ. Зороастръ предписываетъ магамъ наблюдать звѣзду вѣстницу его явленія и слѣдовать за ней къ таинственному младенцу.

ЕГИПЕТЪ.

§ 135. Можно думать, что образованіе Египта находилось въ значительной зависимости отъ Еѳіопіи, и что еѳіопскій городъ Мероэ, для верхняго Египта былъ столицей жрецовъ, постепенно распространившихъ теократію до устьевъ Нила. Эта жреческая каста величала сама себя старшей дщеріо вѣдѣнія и въ надмѣніи говорила Грекамъ: вы дѣти, у васъ нѣтъ мудрости убѣленной временемъ. Нѣтъ ни одной египетской книги, изъ которой можно бы было почерпнуть свѣдѣніе о различныхъ родахъ познанія жрецовъ египетскихъ. Это свѣдѣніе заимствуется только изъ греческихъ историковъ, Геродота, Діодора сицилійскаго, Плутарха, и философовъ александрійскихъ Ямблиха и Порфирія. Впрочемъ въ повѣтствованіяхъ ихъ много важныхъ пропусковъ и аллегорическое покрывало, лежащее на ученіи Египтянъ не всегда проницаемо. Означимъ главныя точки сей сокровенной и недоступной Философіи.

Изложеніе 1. Есть существо непостижимое, выше всякаго имени и понятія, первоначальный мракъ, таинственное начало всего сущаго, невидимый источникъ всякаго свѣта и всякой жизни. Его можно означить именемъ: *Пиромисъ* или человѣкъ по превосходству. Это существо также важно между богами, какъ человѣкъ важенъ между прочими земными существами. 2. Пиромисъ дѣлается родителемъ, и его первое изліяніе есть Кнефъ, или

творецъ всякаго вещества, Димiургъ. 3. Второе изліяніе Фта или образователь міра по формѣ, Богъ огня, жизненное начало твореній. 4. Эти первообразныя силы чрезъ различныя осмерицы и десятерицы собственныхъ очищеній произвели многія изліянія а особенно Озириса и Изиду. Озирисъ есть начало свѣта и дѣятель въ природѣ; а Изида начало страдательное, мрачное, матеріальное. Озирисъ облеченъ одеждой свѣта безъ примѣси цвѣтовъ. Одежда Изиды, или матеріи — испещрена всѣми разноцвѣтными отливами существующими во вселенной. Изида разнообразно отражаетъ свѣтъ Озириса, и какъ матерія, какъ предметъ разрозненности, пріемлетъ всѣ формы, которыя отпечатлѣваетъ на ней дѣятельное начало. Озирисъ есть отецъ существъ, Изида ихъ мать, и она имѣетъ всѣ материнскія качества. Все, что живетъ и дышетъ произошло отъ супружества Озириса и Изиды, отъ сочетанія духа и матеріи. Озирисъ отождествился съ солнцемъ, а Изида съ луной. Солнце источникъ свѣта, есть также главный дѣятель въ природѣ. Луна темна, страдательна, по отношенію къ солнцу; потому что отъ него заимствуетъ свѣтъ и теплоту. Стройное вліяніе солнца и луны всюду распространяющее изобиліе и жизнь, представляютъ вѣчно плодоносный бракъ начала дѣятельнаго съ страдательнымъ. 5. Послѣ Озириса и Изиды слѣдуютъ другія подчиненныя изліянія, соотвѣтствующія великимъ явленіямъ природы, происходящимъ отъ сочетанія началъ дѣятельнаго и страдательнаго. Эти изліянія суть причины частныхъ и различныхъ явленій. 6. Нача-

ло зла есть Тифонъ. Матерью его была Аѳиръ, или мрачный хаосъ, первоначальное состояніе стихій бывшихъ въ безпорядкѣ. Тифонъ при рожденіи расторгъ чрево своей матери. Египетскій символизмъ облекъ его всѣми свойствами злокачественной и разрушительной силы. Онъ соединяется съ Нефтисой или *красотою увядшей*; отсюда происходитъ смѣсь добра и зла, которая есть какъ бы сущность міра.

Философія Фивъ и Мемфиса погребена подъ развалинами ихъ таинственныхъ капищъ. Новыя открытія читать папирусы и надписи, сохраненные египетскими могилами отъ хищничества времени, подаютъ надежду отыскать драгоцѣнные обломки зарытыхъ египетскихъ познаній; по соединеніи результатовъ этихъ открытій съ документами греческихъ писателей можетъ быть удастся создать новую мумію древняго египетскаго знанія, въ большемъ размѣрѣ.

ХАЛДЕЯ.

§ 136. Въ Халдеи было общество жрецовъ, посвятившее себя наукамъ, какъ общество маговъ, въ Персіи. Между этими двумя враждебными обществами происходила борьба; и когда Вавилонъ подпалъ подъ иго персидское, маги угнѣтали касту халдейскихъ жрецовъ, и, вѣроятно, старались истребить ее. Впрочемъ, халдейскіе жрецы пережили это угнѣтеніе, и нѣкоторые изъ нихъ существовали въ эпоху побѣдъ Александра македонскаго. Но гоненія Персовъ и прочихъ завоевателей — принуждали ученую халдейскую касту скрывать свои

мысли подъ таинственнымъ гіероглифическимъ покрываломъ: по этой причинѣ древніе весьма мало оставили намъ свѣдѣній о литературѣ халдейской. — Мы имѣемъ одинъ отрывокъ Халдеянина Берозы, заключающій въ себѣ нѣкоторыя черты аллегорической и мистической халдейской космогоніи, и сверхъ того не многія свидѣтельства о Халдеяхъ, разсѣянныя въ сочиненіяхъ греческихъ писателей.

Изложеніе. Въ началѣ существовалъ Богъ и природа олицетворенная подъ емблеммою жены, коей имя: Омороka. Омороka — это есть первоначальный хаосъ, состоявшій изъ мрака и воды; — это есть влажная матерія, содержащая въ себѣ множество чудовищъ. Богъ источникъ существъ, явясь въ лонѣ хаоса и раздѣливъ тѣло первобытной жены, или природы, изъ одной ея половины образовалъ небо, а изъ другой землю, — отъ чего произошелъ свѣтъ, умертвившій всѣхъ чудовищъ, — дѣтей хаоса; потомъ Богъ изъ безпорядка стихій произвелъ порядокъ, и наконецъ изъ собственной своей крови и изъ крови другихъ низшихъ боговъ, смѣшанной съ землей, сотворилъ души людей и животныхъ. Такимъ образомъ люди и души животныхъ имѣютъ божественное происхожденіе, между тѣмъ, какъ небесныя и земныя тѣла образованы изъ вещества — Омороки, или матеріи; эта смѣсь идей очевидно принадлежащая къ первоначальнымъ народнымъ преданіямъ, не носитъ на себѣ печати философскаго понятія. Съ другой стороны каста жрецовъ

халдейскихъ свою теорію соединяла съ астрономическими исчисленіями, по которымъ судьба человѣка и всей земной планеты была опредѣляема движеніями небеснаго міра.

Примѣч. 1. Брахманизмъ Индіи отзывается идеализмомъ, по развитію идеи о безконечномъ; Персія отличается дуализмомъ или противоборствомъ двухъ міровъ — духовнаго и тѣлеснаго. У Халдеевъ примѣтенъ матеріализмъ какъ въ космогоніи такъ и въ астрологіи. У Китайцевъ и Египтянъ преобладаетъ духъ. У Халдеевъ фатализмъ и матерія. 2. По индійской философіи міръ есть позорище на которомъ дѣйствуетъ самъ Богъ; по персидской онъ есть позорище брани между добромъ и зломъ; халдейская философія заронила мысль: міръ есть гармонія земли и неба. 3. Страбонъ и Плиній повѣтствуютъ, что Халден имѣли различныя философскія секты и школы. Но въ чѣмъ состояла распря и раскрытіе этихъ сектъ, мы незнаемъ.

ФИНИКІЯ.

§ 137. Филонъ Библосскій, Санхоніатону Финикіанину жившему прежде войны троянской, приписываетъ такую космогонію, въ которой можно видѣть происхожденіе вселенной, отъ матеріальныхъ причинъ и вмѣстѣ слѣды грубаго спиритуализма. Если вѣрить греческимъ писателямъ; то Финикія имѣла нѣкоторыя философскія системы, похожія на первоначальныя системы Грековъ. Разказываютъ, что якобы Финикіанинъ Мосхъ есть изобрѣтатель ученія о происхожденіи вселенной чрезъ сочетаніе атомовъ. Вѣроятно, это была первая пересадка на почву Финикіи древней матеріалистической космологіи,

урожденной въ западной Азіи. Сей попыткѣ благопріятствовалъ собственный геній изыскательнаго, торговаго Финикійскаго народа, всю умственную изобрѣтательность сомкнувшаго въ кругъ купеческихъ матеріаловъ.

Примѣч. Отъ чего происходитъ примѣтное сходство во многихъ мысляхъ у древнихъ и новыхъ народовъ? а) Отъ единства умственной и тѣлесной человѣческой природы, одинаковыхъ потребностей, и сходныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ. b) Отъ единства первоначальнаго откровенія, котораго при разсѣяніи народовъ подобно источнику въ дальнѣйшемъ теченіи, по причинѣ разнообразія устныхъ преданій, хотя и потеряло свою свѣтлость, однакожъ въ еврейскихъ св. книгахъ и переводахъ сихъ книгъ, осталось въ той же чистотѣ и ясности. c) Отъ знакомства народовъ. Извѣстно пребываніе Евреевъ въ Египтѣ, въ Вавилонѣ и прочихъ земляхъ восточныхъ; извѣстна ихъ торговля и мореплаваніе, приносившее великіе доходы царямъ іудейскимъ; извѣстна слава Моисея, Даніила и ихъ вліяніе на языческія ученыя общества. Всѣ сіи и другія сношенія могли сколько нибудь родить въ мысляхъ древнюю и новую вселенную. Путешественники говорятъ, что въ послѣднемъ углу сѣверной Америки существуетъ крайне дикій народъ, у котораго сохранилось преданіе, что они переплыли туда чрезъ море, что ими управлялъ самъ *О* т. е. Богъ, и что ихъ старшій ходилъ къ *О* на гору для полученія наставленій.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.